

*Библиотека научного альманаха
«Studia Methodologica»*

Маргарита Надель-Червинская

**РЫСЬ, КОТ, КОШКА,
МЫШЬ И КРЫСА
ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН:**

СКАЗКА, ОБРЯД, МИФ

**с приложением
словаря паремиологии**

Тернополь
«Крок»
2010

Рецензент:

dr hab. Tatiana Stepnowska

Надель-Червинская М. Рысь, кот, кошка, мышь и крыса восточных славян: сказка, обряд, миф. С приложением словаря паремиологии. – Тернополь: Крок, 2010. – 158 с. – (Библиотека научного альманаха «Studia Methodologica»). – (9,8 усл. печ. л.)

ISBN 978-966-2362-37-4

Книга тематически объединяет работы разных лет по семантике фольклоров восточных славян, М. Надель-Червинской дополненные и доработанные специально для этого издания. Оригинальная методика анализа *традиционного текста*, разработанная автором и успешно применяемая им вот уже 30 лет, является модификацией и развитием теоретических принципов В. Проппа, намеченных им, но так и не сформулированных в силу историко-литературоведческой конъюнктуры, в монографии «Исторические корни волшебной сказки». Лингвистический подход к структурно-семантическому анализу фольклорного текста позволяет описать внутри порождающие текст мифологические модели. Язык фольклора представлен как особая метаязыковая система, *традиционные смыслы* которой могут быть реализованы в текстах национальной традиции в определенных наборах *метазнаков*, или мифолексем, всегда постоянных и предсказуемых относительно каждого *традиционного смысла*, или мифосемантической ядерной основы определенной точки традиционной Модели Мира.

Поскольку в книге подробно анализируются тексты народной сказки, то издание может представлять интерес не только для специалистов, но также для самого широкого круга читателей. Монографическую часть дополняет тематический словарь русской паремиологии.

ISBN 978-966-2362-37-4

© Nadel-Czerwińska M., 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

РЫСЬ, КОТ, КОШКА, МЫШЬ И КРЫСА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН: СКАЗКА, ОБРЯД, МИФ _____	5
Вместо предисловия _____	7
Кошка — дева (= жена) и старуха (= ворона и смерть) _____	15
Кот и кость, или почему кошек так любят ведьмы _____	21
Кощей, Кощеевна и другие девы-кудесницы _____	34
Символика цвета в контексте пространственной модели мира _____	42
42 мыши и 44 гроша русской скороговорки _____	53
Тихий Тихон (Трифон) и Хозяйка кошек _____	62
Белый лютый зверь — Лев и Рысь _____	72
Котик-коток, серенький лобок, Кот-баюн и Люб/Нелюб _____	83
Рысь, белая кошка, – таинственная Зевания или Кощей? _____	87
Арысь-поле русской сказки _____	98
Кот, мышь и крыса славянских фольклоров _____	107
СЛОВАРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ. О МИФОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ: КОТ, КОШКА, ЛЕВ, РЫСЬ, МЫШЬ И КРЫСА В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ (ПОСЛОВИЦЫ, ВЕРОВАНИЯ, ФРАЗЕОЛОГИЯ) _____	125

**РЫСЬ, КОТ, КОШКА,
МЫШЬ И КРЫСА
ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН:
СКАЗКА, ОБРЯД, МИФ**

Вместо предисловия

Монография посвящена вопросам традиционной семантики метазнаков *кот*, *кошка*, *мышь* и *рысь* в семантическом языке фольклора славян и, прежде всего, в восточнославянской традиции. Каждый из них является при этом специфической проекцией архаических представлений о *смерти*, ее мифических свойствах и действиях.

В работе рассматриваются традиционно-семантические поля этих (мифо)лексем, с охватом широкого сравнительного языкового материала – в основном фольклорного, но также и этимологического, фразеологического, культурологического, мифологического и др. Делаемые теоретические выводы актуальны при этом для европейской культуры в целом, поскольку поддерживаются анализом разноязычного фольклорного материала – анализом, оставшемся за пределами данной нашей работы и отраженном в готовящейся к публикации монографии под названием “Миф и мир европейца” (общим объемом около 60-ти печатных листов).

Исследуемый материал обобщается в контексте семантической структуры восточнославянского *народного календаря*, а потому проясняет некоторые неясные до сих пор моменты ритуально-обрядового цикла *круглого года*. Системный подход и по возможности полный охват – на подготовительном этапе данной работы – фондов фольклора восточных славян, а также базирование прежде всего на обширном культурно-языковом мате-

риале, представленном в Толковом словаре Владимира Даля, позволили взглянуть на семантику традиционных текстов с неожиданной стороны и выработать принципиально новые методы их лингвистического исследования.

Немного этимологии

Для того, чтобы уяснить, откуда взялось это странное слово “коргоруши” (тем более применительно к ’кошкам’) обратимся к словарю М. Фасмера.

Карга — *железная скоба с острыми концами, забиваемая в бревно (баба, она же яга с когтями-граблями, которая цепляет и дерет своими когтями: Фасмер отмечает связь с каргой = вороной и кошкой = якорем; последнее особенно для нас интересно).*

КАРГА и **КОРГА** — ворона; старуха; **каржата** — воронята. И **карга** же — топкое место в лесу (*арханг., олонецк.*), т.е. **лесное болото** (ср.: **болотница**).

Карега — волна (*олонецк.*) и **карежить** — волновать поверхность воды (там же). Однако *karhu* (*фин.*) также ’медведь’ (см. следующую главу)...

Приведем также слова, сходные по звучанию, но несколько отличные (на фонему ’д’, традиционно значимую как принадлежность к ’дереву’ ’креативному мужскому началу’ (дубу), ’твердости и негибамости’ и т.п.):

карда — чесалка, скребница (сказочный атрибут ’бабы-яги’, ’грабли’, коими она соскребает с повинного ’кожу и мясо до самой кости’);

кардать — чесать шерсть.

Карда также — задний двор, выгон для скота (Фасмер сопоставляет со словами неславянских традиций, обозначаемыми “двор”, “жердь, перекладина, граница”, “ограда”, “хлев”).

В *олонецком* *говоре* мы находим также **кардеж** — запах горелой шерсти, соломы; угар; дурной запах; запах гари (последнее — у *финнов*).

Карёза — не только “сойка”, но и “задорный, капризный человек” (как и **карзуй**, с неясной этимологией; это уже совсем близко к помощникам ’домового = дедушки’).

Карелый, корелый — грязный и гадкий (*бранное*; ср. в следующем разделе: **касть** — **кащей**).

Каренга и т.п. — кривое и сучковатое дерево, негодное для постройки дома; сучковатый обрубок дерева; пень (т.е. мужское мертвое, лишённое креативной силы жизни, не способное к продолжению рода).

Обратим внимание также на слова с корнем “карж”, соотнесенные

1) с железом, кузнечным делом и окалиной;

2) с кладовою и подпольем;

3) с чадом и смрадом;

4) с неким **водяным** растением, близким **тростнику** и **камышу**.

Карзина — вход в подвал (*тверск., вышневолоцк.*).

Карзин — вод погреба (*новгородск., валдайск.*), пространство под полом (*вепс., олонецк.*).

Как видим, часть этих слов соотносятся с мифологическими представлениями славян о ’мокрых девах’ (лесных источников, болот, озер) и ’болотных кошках’ (утках и проч.); последние же — с представлениями о ’заточении кашея (в подвале, погребе, подземелье)’ и, одновременно, ’кошки’ всегда представлялись ’лако-

мыми' и 'любительницами (= разорительницами) кладовых и погребов' — **КАРГО + РУШАМИ?**

Далее находим слово **корга**: ворона и старуха (+ **карга**); риф, отмель, утес под водой (*арханг., олонецк.*) и каменистый отлогий берег (*сиб., байк.*); дуга, кривое дерево и древесный ствол, затонувший в реке (все равно, что **отмель**, связано с **корень**).

Корёга — дерево с корнями, плывущее по реке (т.е. старое, мертвое, деревянное, но цепкое, “когтистое”, раздирающее и утаскивающее на дно, в царство смертного сна).

Корёжить — скрючивать, трясти (о лихорадке).

Еще далее: **коржава** — топкое место, железистое болото (**коржавина, коржевина, куржевина: ко + ржа, ржаветь; коржавый** — ржавый, грязный; традиционно 'лес яги = *железное царство*').

Коржавый — сухой, сморщенный, жесткий; **коржаветь** — твердеть (т.е. 'высыхать = умирать').

Интересно сопоставить с мотивами сказки: 'железные хлеба (коржи)', которые нужно 'изгрызть' по пути в 'царство кашея' (лежащее за 'железным = ягиным'), 'железные башмаки', которые нужно износить девушке на пути к 'кашею'; а также 'армия яги' (= множество, несущее смерть живому), которое **шьют сапожники** из 'голенищей ягиных сапог (железных?)'.

Корж — лепешка, испеченная на сале (традиционно — женское для мужского и живое для мертвого, вернее — мертвое родовое, питающее *силу жизни* в девушке, идущей *дорогой смерти* в *царство смерти и мертвых*).

И **корж** — сухарь (родственно — сухому дереву).

Сродни названию 'пресного хлеба' у *финнов* (традиционно **пресное = мертвое**). Отсюда 'корка хлеба' = 'мертвое родовое' (ср. в свадьбе).

Коржаки — женские башмаки (*олонецк.*).

Каршаки — сапоги без **голенищ** (вспомним "войско бабы-яги"! — *каргапольск.*).

Ср. также: **коты** — вид женской обуви, полусапожки; сапоги из толстой юфти; мужская верхняя обувь (т.е. последнее как 'женское для мужского'), в северных наречиях (*у коми*, напр.: **кот** — обувь из одного куска кожи, валенки; т.е. то, что валяется, валенная шерсть, т.е. традиционное 'женское для мужского', эротическая символика — вспомним 'развратность кошки').

Интересно, что **коты** также — закол для ловли рыбы (**котец; кош и кошка** — песчаная *мель*; подводные *камни* в море, которые видно только при отливе, а также *плеть* и *якорь*).

В контексте фольклорной традиции связь между **котами-башмаками** и **кошкой** несомненна и приведенные доказательства не единственные.

С этой же эротической традиционной семантикой соотносится и значение **корёга** — искусственная ледяная гора (для скатывания с горы на санках; *арханг., вологодск., кадниковск.*) и детские санки (*новгородск. вологодск.*), т.е. 'женское для мужского' 'доступное' и 'доб-рачное' или 'внебрачное' (ср.: тексты любовной лирики).

Сопоставимо с эротической символикой 'кота' и 'кошки', нередко связанной со свадебными мотивами и пестованием новорожденного дитя.

При сопоставлении с приведенным языковым материалом, **корза, корса** — каменная гряда поперек реки (ср.: отмель) и **корза** — сварливая баба, вопреки мнению Фасмера, конечно же, проявляют семантическую общность

- с **каргой (коргой)** = вороной и старой бабой, а соответственно и —

- с *украинскими* **корзати, корзити** — морщить, плести;

- с *литовскими* *karsti* — быть престарелым и *karse* — старческая слабость (по Агрелю и Потемне).

Так же, как **корзно** и **корзень** — плащ с меховой опушкой (с однокоренными в других славянских языках — 'мех', 'шкура, скорняжная кожа, мех', 'полушубок'), проявляет связь с традиционным 'женским для мужского' (эротическим и брачным или тайным брачным, с 'овчиной' и 'кошкой' (котом).

Украинское **корзати (плести)** прямо соотносимо с корзиной (из ивовых прутьев, где 'ива' есть 'мертвое родовое (женское)').

А '**корзина**' (тот же корень!) и '**короб**' — так же по традиции "плетенный (из луба)" — есть 'пространство (времени) смерти', соотносимое с 'кладбищем', 'погостом', 'могилой'; более того — и **корзина** и **короб** в старину были значимы как 'верх саней', на которых доставляли 'покойника' на 'погост'.

Ср. в *литовском* однокоренные слова со значениями "сани с одним верхом", "коробочка из древесной коры для ягод" ('ягоды' в фольклорах значимы как 'живое

молодое и зрелое, пестуемое мертвым родовым, добрачное'), "корзина из прутьев".

Корзоватый же — шероховатый или шершавый, а также — обросший мхом (т.е. 'мертвое', а во втором случае — 'женское, защищенное мертвым своего рода', возможно также 'женское мертвое', как 'избушка яги'); восходит, по мнению Потевни и Преображенского, к 'пестрому' и 'пятнистому' (напр., в *литовском*).

Вспомним, что **пестрота** и **пятнистость** актуализировалась в архаических представлениях славян как традиционные 'свойства кошки', и особо о них можно говорить относительно 'рыси' и сказочной 'Арыси = женщины-кормящей кошки' (чему будет посвящен особый раздел).

Кошка — дева (= жена) и старуха (= ворона и смерть)

Характерно, что связь 'кошки' со 'смертью' проявляется в контексте традиционного мотива 'плетеный короб как пространство мертвого родового' (короб = погост и плетеная корзинка с ягодами как родовое живородящее, женское продуктивное и многоплодное, откуда и ритуальная значимость хождения девиц до замужества в лес (мертвое пространство общеродовое) по грибы, по ягоды; грибы = фаллическое, продуктивное и многоплодное).

Тем самым прослеживается и связь со 'страшной девушкой с косами (за плечами короб)', вышагивающей в опасные для жнецов 'жатвенные жары' (заснешь на меже, под кустом — умрешь, попадешь деве в короб) по полям и дорогам, 'девой-великаншей'. Не "кошачья ли цепкость" у этой мифической 'девы = смерти'? От нее не скроешься, не убежишь, не спрячешься — везде достанет, увидит, найдет.

Такая "жаркая дева", несущая людям и всему живому смерть, известна многим традициям; у испанцев, к примеру, она носит имя 'сиеста'. 'Испепеляющая жаром' все живое, что попадает у нее на пути, — не 'змеева ли дочь' у восточных славян, т.е. не Кашеевна ли, дочь Огненного Волка либо Кота-медного лба? Разящее 'солнце' при этом равно солнцу *полуденное* и беспощадное. А сама девушка — безжалостная 'дева-

охотница', в августовскую жатву, шагающая по полям в поисках заснувших ненароком жнецов.

Возможно, что 'дева с косами' есть реализация не только 'мертвой невесты', т.е. 'несвоевременной смерти, женского ненасытного в своей деструктивной (и эротической) силе' (утка, кошка, злобная королевна), но и одна из реализаций образа древней славянской 'девы-охотницы, хозяйки зверей (кошек?) и охоты'. 'Девы в медвежьей шкуре', одетой в 'меха куницы и белки' (символ женского эротического, женского для мужского). И одновременно - болотной 'девы-кошки'¹ (русалки).

Не с ней ли был связан и миф об инцесте между братом и сестрой (позже названных, уже на уровне человеческого родового, Иваном да Марьей)? Древняя богиня-дева звалась 'Зевана' или 'Зевония' (от **зева**, **зевания**?).

Не связь ли это с **дремой, смертным сном, котомбаюном** — на службе у Волка-Медного лба или Морского царя и с **гуслями-самогудами**, которые принад-

---

¹ Обратим внимание на фонетическое соответствие слов 'болотница' [БЛТ(нЦ)] и 'лобаста' [ЛБ(С)Т], а также слов 'лопатница' [ЛПТ(нЦ)] и 'лопаста' [ЛП(С)Т]. Поскольку носителями традиционных смыслов в каждом языке и каждой фольклорной культуре (соответственно) являются именно **фонемы** и их **сочетания**, то такое "совпадение" весьма показательно. (См. "Индоевропейский язык и индоевропейцы" Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванова, а также работы Н.Я. Марра и Р.О. Якобсона.) Так 'Л' несет в себе свойства 'податливость', 'доступность', некая 'аморфность', 'пластичность', присущие 'женскому' (= мертвому). 'Б' заключает в себе качества 'мужского' (креативного; силы жизни) — 'прочность', 'твердость', 'мощность', 'напористость' и проч. (медный лоб). 'Т', присутствующее и в слове 'кот', дает дополнительный оттенок (*твердость, тьма, тот, топь, тайное, странное, тень, ветер* — также содержат в себе этот звук и его свойства).

лежат Морскому царю или делаются Волком-Медным лбом? На уровне этиологического мифа дочь и того и другого могла бы зваться **Зевонией** и быть той самой таинственной **Хозяйкой кошек**, о которой в европейских фольклорах, из-за предельной сакрализации этого страшного образа, мы находим только намеки.

Во всяком случае, 'Зевония' не может быть 'медведицей', поскольку 'шкура медведя', наравне с 'векшей' и 'куной', выступает как 'охотничья добыча' богини.

Так же, как любое мифологическое представление древних, 'юная дева = смерть (с косами)' реализуется на разных уровнях традиционного мироощущения славянина по-разному:

1) в космогоническом мифе это — 'дева-луна, отказывающая в браке брату-солнцу' (и вариант инцеста; сродни Артемиде = Афродите = Селене греков);

2) в солярном — дева-луна (или — дева-солнце)', 'сестра (любимая; жена) брата-солнца (или луны)';

3) для уровня сотворения жизни — 'хозяйка зверей и леса';

4) для уровня сотворения человеческого — 'первая смерть-наказание, положившая начало смертям человеческим и требующая все новых смертей';

5) на уровне представлений о сакральном **центре модели мира** — это мифическая 'хозяйка кошек', 'хозяйка охоты', которая вольна убивать и разрешать убивать.

Отсюда, кстати сказать, в русской фразеологии и такое выражение, как 'шкура убитого медведя' (тотемного предка человека), которую рано делить, а в так называемом "детском" фольклоре – присказка (или потешка)

о 'пойманном медведе', который, однако, своего ловца отпускать не хочет.

Поскольку об ее облике 'кошки' мы будем говорить далее, то в заключение хотелось бы упомянуть о другом ее облике — 'волчицы' (кровожадного лесного оборотня, охотницы, т.е. сказочной девы-воительницы и непобедимой богатырши, с которой страшно встретиться в чистом поле). Очевидно, это есть 'дева дочь (и жена) Огненного Змея (Волка-Медного лба)', желанная невеста, сокрытая от глаз живых в 'царстве смерти' своим страшным отцом и мужем.

Возможно, что отцом и мужем ее является 'Огненный Змей', прозванный в народе 'Летун' (мифический славянский 'Змиулан', живущий в дупле дуба, т.е. прообраз былинного 'Соловья-разбойника' с жутким посвистом). В таком контексте от нее, девы-матери и тайного зачатия, появляется сказочный 'Волк-Медный Лоб', он же 'Змей-Огненный Волк', страшный **оборотень** (вурдалак?), ребенок, родившийся в рубашке, плод преступного инцеста, способный оборачиваться то зверем, то птицей, то камнем, и даже принимать человеческий облик.

Именно ему — плоду преступной тайной любви — и доступно 'делать гусли-самогуды', способные "заиграть живого человека до смерти" (традиционно эротический образ). Ср. эротическую семантику выражения "играть на гусях".

К древнему образу 'Змея-Огненного Волка' восходят его более поздние фольклорные реализации 'Волх' и былинный 'Вольга', богатырь, умеющий оборачиваться **волком и птицею** (вороном или орлом?), проявляющий

семантическую связь с 'Велесом-богом скотоводства и урожая' (хозяином волков? и предводителем страшной *волчьей стаи, моровой смерти?*). В поздней традиции этот образ трансформируется в **Николу (Миколу)-всезаступника** (покровителя *дорожных* людей, *моряков-рыбаков* и *воров = волков*).

Но если **Никола (Николай)** временами оборачивается в народном представлении в **Миколу (Михаила)**, то и прообраз его **Бор** или **Святобор** славян предстает в поверьях то **волком**, то **медведем**, т.е. неуловимой семантической парадигмой мифической 'близнечной пары'.

Также соотнесение **Велеса (Волоса)** с 'медведем', не является ошибкой, поскольку парадигма 'близнецов' в традиции представлена парами; 'медведь /(/) немедведь (= волк)' и 'волк (бурый = медведь / немедведь)' /(/) 'волк (серый волк и помощник культурного героя, волк-трикстер и истинный демиург человеческого социума)'.

На уровне же праславянского пантеона эта парадигматическая пара **Бор /(/) Велес**, на уровне христианской подмены языческих образов — пара **Михаил /(/) Николай-угодник**. Вот откуда ведет свой род "умная дева" русской сказки (дева-змеиха, дева-волчица, дева-кош(ка), дева с косами = сама смерть человеческая)².

---

² Как видим, функции 'домашних кошек' и 'диких кошек' в фольклоре и комплексе народных мифологических представлений весьма различны. У читателя может возникнуть также вопрос: насколько оправдано сводить к семантическому комплексу 'кошка' такие, казалось бы, разные фольклорные единицы как 'Василиса Премудрая', 'лебедь' (белая, черная; Лыбедь;

лебедушка — молодая на свадьбе), 'русалка' (болотница; омутница; лобаста; водяница; коргоруша; и даже — змеиха); 'Настасья' (солнце и ночное, подземное солнце; луна; кашеева дочь и невеста; *и проч.*)... В двух словах поясним следующее: Мифологические представления древних, отраженные в фольклоре, поверьях, обычаях, разговорном языке и невербальных коммуникативных символах (язык танца, жеста, костюма и др.), в любой национальной традиции во всем и всегда рисует (изображает, а точнее отражает) общую 'модель мира' — с ее 'частями света', 'центром' (начала и конца жизни), 'осью (или деревом) мира' (верхом и низом; землей и небом), 'осью времени' (прошлым, настоящим и будущим) и т.д. Так, представление о 'человеческой смерти' (одной из реализаций которого и является наша 'кошка') может быть передано во многих других метазнаках традиции, с чем мы только что и столкнулись. Например, 'смерть невесты' (переход в род жениха) реализуется в сказке как 'лебедушка', 'Василисушка', 'аленький цветочек', и др., а в "потешке", к примеру, так: "Ходит котик по лавочке, водит кошку за лапochку".

Кот и кость, или почему кошек так любят ведьмы

Сначала ответим на вопрос: почему **Кашей Бессмертный** русской сказки так легко “оборачивается” **Котом-Медным Лбом** или **Кошем**, который является корнем-основой для слова **кошка**? КОШ + К + А... И что это за кош такой?

Обратимся к Владимиру Далю:

КАЩЕЙ (см. **КАСТЬ**)

Сказочное лицо, в роде вечного жида, с прилагательным бессмертный, вероятно от слова **КАСТИТЬ**, но переделано в **КОЩЕЙ**, от **КОСТИ**, означая изможденного непомерной худобой человека, особенно старика, скрягу, скупца и ростовщика, корпящего над своей казною.

КАЩЕЙ *стар.* — смерд, подлый раб.

КАЩЕЙ — сам с ноть, борода с локоть, пуга (бич) в семь сажен.

КАЩЕЙКА — скупая, весьма худая старушка. (Яга костяная нога?)

КАЩЕЕВ, **КАЩЕЙКИН** — ему, ей принадлежащий.

КАЩЕЙСКИЙ — кашеям свойственный.

КАЩЕЙНЫЙ — к ним относящийся.

КАЩЕИТЬ или **КАЩЕЙНИЧАТЬ** — скряжничать, жидомордничать. (Т.е. **морить жидким**, держать на жидкой еде; объяснение дано на основании материала словаря Даля.)

КАЩЕЙНИЧАНЬЕ — скряжничанье.

КАЩЕЙСТВО — то же, более в отвлеченном значении.

КАЩЕЙНИК — кто кашейничает.

Семантическую линию **кощей** развивает также в словаре Даля следующий лексический ряд:

КОЩУНИТЬ или **КОЩУНСТВОВАТЬ**, насмеяться над священными предметами, отзываться об них с презреньем, бранно, пошло; поругать, сквернить, осквернять, суесловить, буюсловить.

КОЩУНСТВО ср. действ. это. *Кощунство* противоположно изуверству. но еще хуже его; осквернение или поруганье. *КОЩУННЫЙ*, к сему относящ.

КОЩУН, *КОЩУННИК* м. *КОЩУНЬЯ*, *КОЩУННИЦА* ж. кто *кощунит*; *КОЩУНСКИЙ*, -ничий, им свойственный.

(**КОЩУН**, по самому Далю, есть у Рейфа, с персидского; у Шимкевич. его нет. Поэтому Даль предполагал, что «слово это в связи с **кость**, **касть**, **костить**, **кащей**, **пакость**, **пакощи**, осквернение, скверна»).

Происхождение слова **кащей** или **кощей** от слова **кость** подтверждают и М. Фасмер, и др. источники.

Однако, на наш взгляд, очевидно прослеживается в народном языке и фольклорной традиции также семантическая связь с глаголом **КОЧЕНЕТЬ** и, соответст-

венно, именем существительным КОЧКА. А также, по Далю, *КОЧКАРИТЬСЯ* – о болотине, обращаться в кочкарник, порастать мшистыми кочками. *КОЧЕНЕТЬ*, цепенеть, застывать и твердеть, замирать, становиться недвижимым, бесчувственным. *КОЧЕНЕЛЫЙ* – окоченевший, окоченелый. *КОЧУРА* ж. ряз. кочка. Влад. суслон; крестец, бабка, см. *качура*. *КОЧУРИТЬСЯ* – жаться, морщиться, корчить рожи; съежась умереть, окочуриться; стать кочкой, окоченеть.

Связь со **смертью** опосредованно подтверждают и следующие, приводимые в словаре Даля, паремии:

Как мерзлую кочку ворона носом долбит.

По кочкам с сошкой.

Сколько в поле пеньков, столько б вам сынков; а сколько кочек, столько б дочек!

Всяк кулак на своей кочке велик.

Чем срывать кочку, лучше объехать.

Идем далее по пути отсылок Даля в направлении **кость и касть**:

КАСТЬ сокращение из КАПОСТЬ.

Пакость, мерзость, гадость, скверна;

паскуда, нечистое, поганое, сор, дрянь, сметье, сметки. (Как тут не вспомнить украинских **потерчат**, образованных от “сенной трухи возле стогов”?)

СКАСТЬ *череповецк.* — змея. (*Фасмер*)

КАСТЬ *твр.* — мышь, крыса, гад.

КАСТЬ *арх.* — грязь, распутица.

КАСТЬ *юж.* — негодные остатки на бойнях.

(*Ср.* традиционную семантику лексемы **мясо** и поговорку: *Не мяскай, кошка услышит!*)

КАСТЬ *твр., пск.* — порча, прокуда, вред, убыток. (И — битая *кошками-коловершами* посуда в дому.)

Примечание Вл. Даля: «Если КАСТЬ и одного корня с КОСТЬ (нпр. КАЩЕЙ и КОЩЕЙ, КАСТЕРЯ и КОСТЕРЯ; в заговорах: ВСЕ КОСТИ и ПАКОСТИ), то в производных, эти две ветви должны различаться».

КАСТНЫЙ *твр., пск.,* КАСТНОЙ *вост.* — КАСТЛИВЫЙ *пск., твр.* — пакостный, мерзкий, скверный, поганый, нечистый. КАСТНЫЙ ГАД — мышь.

КАСТИТЬ — грязнить, гадить, пакостить;
марать, сорить;
бранить, ругать кого, сквернословить.

КАСТИТЬ — испражняться, особенно о больном или о ребенке.

КАСТЕНЯ, КАСТЕНОК *нвг., пск.* — *бранное* — мерзкий ребенок, пакостник, нечистый, который не просится.

Как известно, 'кошка' животное 'нечистое' и 'пакостит': все портит, паскудит, пачкает, рвет, и т.д. В статье о **кошке** в словаре Даля находим следующее:

КОША, КОШЕНЯ — *юж.* котя (котенок).

КОЩЕНКА, КОЩЕНОЧКА — *умалительно.*

(Не дочь ли КАЩЕЯ, КОТА и КОША?)

Итак, КОШ, КОЩЕЙ (от КОСТЬ, т.е. КОШ = КОТ) и КАЩЕЙ (от КАСТЬ, т.е., по Фасмеру, *подлость, низость*).

КАСТНЫЙ — *подлый, диал.*

КАСТЬ — *нечистоты, вонь* (соотносится по семантике с лексемами КОСТИТЬ, КОЩУН, ПАКОСТЬ).

А потому может рассматриваться нами как аналог мифического славянского Змея (Горыныча; Огненного; и Огненного Волка = Кота (= Волка) — Медного лба, и т.п.) вступает в традиционные, парадигматические отношения с МЕДВЕДЕМ (или МЕДВЕДИЦЕЙ) = КОСТРОМой.

См. у Даля: КОСТЬ и КОСТРА (? - КОСТРОМА) как производные одного изначального корня.

Фонетический комплекс, семантику которого определяет набор и сочетание, или сложение, традиционно осмысленных звуков-фонем, мы назовем этимологическим корнем³, определяющим в дальнейшем семантику своих производных. Сложением этимологических кор-

---

³ Примером могут служить слова, в которых 'Л' семантический комплекс 'функционально эротического, активного и динамического': 'Л(О)' — 'фаллического' и 'мужского', а 'Л(А)' — 'вагинального' и 'женского'. Ср.: ЛОпата, ЛОсь, ЛОжка, ЛОб, ЛОм, ЛОдка, ЛОдья, ЛОвля, ЛОно как 'женское для мужского активного', ЛОкоть и проч.; а также чЕЛн, ОЛень, ОЛьха (мертвое, в котором мужское преобладает над женским), ВОЛга и др.; ЛАдонь, ЛАдья (женское для мужского, в котором главное — женское начало, полое и потенциально живородящее), ЛАНь, ЛАд, ЛАска, ЛАкомый, вЛАга, ЛАрь, саЛАЗки; а также саЛО, АЛый, кАЛ, кАЛеный, кАЛина, кАЛитка и проч., где 'АЛ' дает 'преобладание в мужском женского' и т.д.

ней, т.е. фоном, осмысленных традицией, дает лексическое многообразие современного языка (любого), причём слова, в основе которых заложен общий этимологический корень или корни, уже не мыслятся как однокоренные.

Так, в русской сказке (и мифологических представлениях славян) МЕДВЕДЯ со ЗМЕЕМ (КАЩЕЕМ) роднит 'обитание в берлоге', 'страшная (нечеловеческая) сила' и 'магическое знание' (сакральное как некий архаический закон данный нам первопредком, 'медведем' и 'змеем' или 'русь = коркадиллом', 'праящером = прашуром'. Оба семантически соотносимы с 'грязью' (навозом, калом, мокрой вязкой землей; ср. латинское: *gus, guris* — земля, поле, деревня).

Очевидно, 'медведь' (живое животное и мифический андрогин) противопоставлялось 'медведю мертвому = костроме' (жертвенному животному = заместителю божества-медведя в *медвежьем празднике*, 25 марта), а точнее 'медведице', поскольку если из **андрогина** (медведь + медведица) "вынуть" 'силу жизни' (т.е. *мужское*, живое и креативное), то останется 'сила смерти' (т.е. *женское*, мертвое и деструктивное), 'медведица = кострома'.

Сравним у Рыбакова: "...самая замечательная находка Благовещенской горы (в Брянском Полесье) — горловина огромного толстостенного глиняного сосуда в виде головы медведя с широко разверстой пастью. ...С Артемидой (так называемая "богиня с медведем") связано создание созвездия Большой Медведицы. Артемиде был посвящен месяц артемизон — март, время, когда медве-

ди пробуждались от зимней спячки. По солнечным фазам это совпадало с весенним равноденствием около 25 марта.” (Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. — М., 1988, с. 157-158).

И далее: “Очевидно, святилище было посвящено женскому божеству, аналогичному Артемиде”, а также: “В связи с этим приобретает смысл и современное название горы со святилищем — Благовещенская.” У Рыбакова же находим, что святилищу ‘Перуна’ по времени предшествовало создание на Киевской Руси святилища некоего ‘крокодила’ (которого сам Рыбаков соотносит с островом из красного гранита в форме ящера на реке Росе, где было обнаружено древнее капище).

От себя же добавим следующее: если ‘медведица’ (как ‘умерший (убитый) медведь-тотем’⁴ и одновремен-

---

⁴ В процессе реставрации славянского и общеевропейского “народного”, т.е. **мифологического** ‘календаря’, с уверенностью можно сделать вывод, что, считая с момента появления на свет медвежонка до убийства его, выращенного и обученного “комедии” человеком, 25 марта, на “медвежьем празднике”, каждый раз проходило определенное мифическое ‘время’ (полный цикл жизни до “точки” смерти), а именно — **двадцать один месяц**. Этот период времени охватывал **июль — (март) — (июль) — март**, т.е. ‘семь (малых) лет жизни’ или **полноту** ‘жизни человека’, т.е. ‘жизни (медведя) среди людей’: за ‘год’ традиционно принимается ‘три месяца’ (круглого года — при **четырёхчленном** его делении: *весна — лето — осень — зима*: либо ‘четыре месяца’ — при **трехчленном**: *весна — лето — зима*). Сравним с традиционной семантикой ‘полноты и завершенности’ **числа 21**. Между ‘проводами’ (изгнанием) той же ‘костромы = медведицы’ (или ‘костолома = коструба = медведя-андрогина’) и ‘похоронами’ ее — традиционное расстояние еще в ‘три месяца’. С точки зрения этимологии имен ‘Ко(а)шей’ (Кош) и ‘Кот (Волк)-медный лоб’ интересно обратить внимание на следующее: в *древнерусском языке* ЛЬБЪ означало ‘череп’ (так же, как в *старославянском* — ЛЬБЪН), в то же время КЪШГЬ — ‘жре-

но как 'воинственная смерть' — 'ходячая смерть-ломота и мор', не 'коровья ли смерть' в том числе?) проявляет свою связь с 'девой с косами' (аналогом Артемиды, т.е. воинственной и смерть несущей живому Лунуно; женским, в коем преобладает мужское; девой-охотницей и покровительницей = хозяйкой зверей; не хозяйкой ли кошек?), то 'мертвый (убиенный в праздник) медведь', страшное тотемное божество славян и особенно руссов, соотносим с 'кощею', т.е. 'скелетом' и 'живою, т.е. неуспокоенною и неумною смертью' (зверь, мстящий своим убийцам).

В народной традиции всегда подчеркивается некое **тождество** между 'медведем' и 'человеком', а также то, что **скелет медведя "неотличим" от скелета человека**. Как не вспомнить здесь о представлении 'Кощея Бессмертного' в образе 'человеческого скелета', а точнее — 'медвежьего скелета'.

Магическим средством 'сделаться невидимым' (т.е. мертвым) для человеческого глаза и в мире живых является использование так называемых "чудесных предметов" (принадлежащих миру мертвых, нечеловеческому; полученными в дар, либо обретенными обманом и хитростью). Такими предметами являются 'шапка-невидимка', 'плащ-невидимка' (или 'вывернутый наизнанку тулуп'; похожими свойствами обладает 'одежда, надетая задом-наперед' и 'одежда с чужого плеча' — обмененная, не своя и потому делающая человека неуз-

---

бий' (ср.: мотив 'медвежьего праздника'), то же в *церковно-славянском и среднеболгарском*: КЪШИТИ(СЯ) — 'бросать или метать жребий'.

нанным, т.е. невидимым для других), 'перстень с камнем' (оборотись камнем вовнутрь — станешь невидим).

Если манипуляции с одеждой восходят к представлению об 'оборотничестве' (оборачивании в другого человека, зверя, птицу, рыбу, невидимку-гостя с того света), а 'перстень' отражает сложные представления об отношениях 'мужского' к 'женскому', где 'женское' (*темное* и *страшное* живородящее чрево) соотносится с деструктивным замкнутым 'пространством мертвого родового' (*заряженного смертью* и *смерть несущего* для мужского = живого), то 'шапка-невидимка' есть нечто, имеющее отношение к 'смерти' и 'мертвому родовому', что, положенное на голову, превращает человека в **не-видимое**, т.е. **принадлежащее миру мертвых**. Что же это такое?

Заметим, что традиционно 'шапка' есть 'женское для мужского', открытое и доступное, имеющее и эротический смысл; причем 'шапка' подразумевается 'шелковая' (*красная* — на дураке; знак непосвященности и определенного этапа инициации; так же, как для девушки — *алые* ленты в косах) или ' меховая'. **Мех** же (обычно **беличий** или **куний**, значимый как женское опытное, женское для мужского, головы; эротическое) должен, для того, чтобы превратить человека в "невидимку", принадлежать зверю или животному, соотнесенному с миром мертвых.

Таким животным (причем — близким человеку, а не диким; хотя по **дикости** не уступает им и даже "примыкает" к диким и лютым) является в первую очередь 'кошка', из которой, между прочим, издавна делались

“фальшивые” меховые шапки, пользовавшиеся в народе дурной славой.

Если учесть, что кошачий мех не только красив, но и куда прочнее заячьего (кроличьего), то такое неприятие использования ’кошачьего меха’ (как и употребление кошатины в пищу в виде “рагу из ложного зайца”) объяснимы только мифологическими представлениями об этом ’страшном’ и ’опасном для человека’ животном, а также о мифической и жестокой (злопамятной?) ’хозяйке кошек’ (белой кошке или кошке с белыми, т.е. сверкающими глазами).

Ни в одном фольклорном тексте мы никогда не встретим, **из чего** сделана ’шапка-невидимка’. Однако догадку о том, что она — из ’кошки’, причем именно ’черной кошки’ (в которой не сыщешь ни одного другого волоса!) подтверждает старинный рецепт черной магии: как изготовить ’кость-невидимку’.

Черную кошку (без изъяну), с разрешения ’хозяйки кошек’ (иначе убить кошку нельзя и крайне опасно) убивают, обдирают (действия, противоположные действительности — так делают сами кошки) и варят в котле. Наверное, потому, что ее или **никогда не варят**; или напротив: **не варят**, потому что **боятся** произвольно совершить магическое и опасное действие.

Из сваренного животного выбирают **все кости** и садятся перед зеркалом (в *полночь*, конечно), положив их перед собой. Очевидно, ’горкой’, символизирующей всегда (в поле, у перекрестка, в лесу и проч.) ’могильник’ и ’алтарь для поклонения давно умершим всех родов’ (первопредкам, тотемам, убитым и умершим не

своею смертью, в дороге, дедам), что позже превратилось в обычай ставить 'голбцы'.

Каждую кость по очереди следует класть себе на голову (как *шапку* надевают) и смотреть при этом в зеркало — при какой кости отражение в зеркале исчезнет, та и есть 'кость-невидимка'.

Однако в тексте, где, чтобы стать невидимым, шапку надевают **задом-наперед**, она не может быть 'кошкою' и 'кошачьей косточкой'. В этом случае будет налицо прием 'оборотня' — оборачивание при помощи *элемента одежды*. А поскольку "оборачивают шапку", то очевидна также связь с 'женским для мужского'. Однако, если 'кольцо' традиционно значимо как 'женское молодое, добрачное и неопытное', 'перстень' — как 'женское для мужского, причастное к мужскому' (*невеста* или *молодая жена*), то 'шапка' и 'мех' — это уже женское опытное, доступное для мужского' (эротический символ брачного союза).

В этом контексте традиции 'кошка, добывающая для хозяина заветный (чудесный) перстень' соотносима с 'черной кошкой, дающей косточку для того, чтобы превращаться в невидимое'. И такое понимание не парадоксально, если не забывать о том, что мифическая 'кошка' есть существо, способное (как *птица Феникс*) к 'возрождению': у нее 'девять смертей', по сути она 'бессмертна', поскольку является 'существом из мира мертвых' и 'помощницей смерти' (дочь и жена Кощея = Кота; мертвая дева, невеста, обретаемая на том свете).

Остается добавить, что 'ворон' (мифический *Ворон Воронович*, аналог и одна из форм *Кощея, Коша* и *Кота*

Бессмертного в русской сказке) также владеет знанием магических манипуляций с 'человеческими костями': будучи 'царем царства мертвых', усеянного костями, как результат мифической 'работы смерти' (того же *Кощея* и *Кота*), он владеет чудесной 'косточкой', **за одну ночь обрастающей плотью** (из нее получается чудесный ребенок, к утру умеющий ходить и говорить; судя по материалу словарных статей Вл. Даля, именно эта 'косточка' и является 'живой косткой' и 'навьей костью').

На материале Даля и Фасмера (который это сам отрицает) становится очевидной связь 'кота' (*кощея*) и 'ворона' (*кракуна*) с мифическим божеством *зимнего солнцестояния* (12 декабря, *Спиридона* солнцеворота; дня прибывает на воробьиный шаг, на куриную стопу).

В мифологическом мироощущении 'вор-воробей' есть малая реализация того же 'ворона', а 'кур' соотносится с индоевропейским 'круком' (тем же вороном). Имя древнего "Спиридона" — **Карачун, Корочун, Корротун, Крачун, Крачунец**, т.е. персонификация **мороза**, страшных **корчей** и **белой смерти**. 'Белый ворон' русской загадки. С ним проявляет этимологическое родство и страшная птица смерти — 'коршун'.

В то же время семантический комплекс корня 'корч-' (цепкий, хватающий, раздирающий, прочно держащий в когтях, трясущий и убивающий) соотносится все с теми же 'котом' и 'кошкой' — в уже знакомом нам ряду 'подводных коряг', 'корзин', 'цапок' (капканов разных конструкций) и 'приспособлений для ловли рыбы'. В этот же семантический ряд вписывается и 'кочерга'

(орудие для ковыряния в золе и углях печурки, с которой в фольклоре обычно связаны 'котик-коток, серенький лобок' и 'кошурка', 'любы', 'любки' и 'нелюбы' тайной эротической обрядности семейного счастья...

Кощей, Кощеевна и другие девы-кудесницы

Семантический комплекс 'жребий' (метание жребия — чёт или нечет, загадывание судьбы) соотносит мифического 'Коша (Бессмертного)' русской сказки с 'роком' (предначертаниями жизни и смерти, неумолимой судьбой). Если в семантическом ключевом коде 'животные' языка фольклора (собственно коде 'звери' и подкоде 'домашние', точнее — 'животные, близкие человеку') 'рок' (двуединство человеческой жизни и смерти) реализуется в метазнаке 'кот' (и 'кошка'), то в собственно коде 'птицы' он же будет мифической 'огромной птицей, тенью покрывающей всю землю' (царицей птиц; птицей Моголь или птицей Гриб, как гора огромной; т.е. самой птицей Смерти = птицей Судьбы, птицей Рок(ом); не птицей ли РОКОШЬ? В словенском языке это слово означает "шум", в древнерусском и других славянских — "мятеж, бунт", все сметающие на своем пути, неумные и кровавые).

В семантическом ключевом коде 'стихии', характерном для языка фольклоров славян, он же будет 'Вихорь' (Посвист, Похвист, Позвизу, Соловей Разбойник и проч.).

В семантическом ключевом коде 'божество (божества)' — в коде 'мифические существа' — РОК как синтез ЖИЗНИ и СМЕРТИ реализуется в 'Коше' (коте и жребии), в 'Коте' (медном лбе) и других его мифических аналогах. Очевидно, сам 'Кош' соответствует **центру** традиционной пространственной 'модели мира' (ММ), а

'Кот-Медный Лоб' — ее **западу**, так же, как 'Яга' (костяная нога) — ее **северу**.

Как видим, основным семантическим признаком всех троих является их соотнесенность с 'костью', а также 'камнем' (камни = кости земли), 'запиранием (или сбережением, запрыгиванием) воды' (молодого женского продуктивного, завидной невесты; мужской силы, фаллической и креативной, — коня, пьющего воду и купающегося в ней).

Можно предположить также — и не без традиционного основания, — что 'кощей' в сказке соотносит текст ее с семантическим комплексом 'центра ММ' (куда может долететь только птица Моголь) и 'царства самой смерти' — и для этого метазнака традиционно актуализируется связь с 'костью'; 'кащей' же соотносит текст с 'западом ММ', т.е. 'нечистым (грязным и кощунственным) местом инициации молодого родового (мужского и женского), приобретения магических знаний', местом "грязной работы" (чистить печь, мести пол, непрерывно пряхь; трясти перины, плескаться — не стирать ли? — для девушки и — пасти коней, свиней, гусей, зайцев, чистить коней, разводите огонь и проч., для юноши).

Но если эти работы (обычно часть из них, причем определенная, выполняется у 'яги' в 'северной точке ММ', то здесь 'обретается сила мертвых своего рода', а потому 'работа чистая' (иногда в текстах сказки даже подчеркнуто — "негрязная").

Поскольку каждый текст сказки соответствует только **одному конкретному месту** в системе 'круга обрядов' (года, жизни и смерти, инициации-посвящения и проч.)

и только **одному конкретному времени** в системе того же 'круга обрядов', то определение этого **места** — **времени** есть основное не только для классификации фольклорных (сакральных) текстов, то — и это главное — для правильного понимания настоящего смысла каждого текста и каждого в нем фрагмента.

Без этого исследование будет неполным, фрагментарным и весьма приблизительным с точки зрения системы традиционных смыслов и мифологических, т.е. изначальных представлений носителей фольклорного самосознания, о каком бы народе ни шла речь. Но задача эта едва ли не самая сложная.

Все это хорошо просматривается и в “сюжетном” многообразии “сказок о Кощее бессмертном”: различны места его обитания, похищенные им красавицы, цели похищения, позиция 'кощея' в отношении пришельца (от коего “русским духом пахнет”), способы его умертвления или примирения с ним, убегания от него, и т.д. и т.п.

Различны формы “реализации” традиционного смысла, 'кощей' (змей, вихрь, ворон, кот, волк, чудовище — видимое или невидимое, смерть ходячая или летучая, и др.), различны формы его 'смертоносной силы' (иссушение = запырание воды, сметание вихрем, опаление огнем, напускание засухи и жара, поединок, игра в карты = выигрывание души человеческой, обманы, нечеловеческая сила, уверенность в своей бессмертии = непобедимости и проч.).

Это не **варианты** какого-то (или каких-либо общих) **инварианта (-ов)**, а самостоятельные в традиции са-

кральные тексты, каждый из которых имеет свое — собственное и единственное в своем роде — **время — место в обряде** (или **круге обрядов**). И все перечисленное является **определителями места и времени обряда**, в которые вписывается конкретный сакральный текст, будучи закрепителем и передатчиком конкретных сакральных знаний своего рода, племени.

Так, 'Василиса' в текстах определяет их отношение к 'миру мертвых' (мертвого родового — у бабы-яги или вообще мертвого (старого магического) человеческого — у Коша = Кошея), тем самым в "кошеевом" **пространстве — времени** сказки это будет соотносительность с **севером ММ** (яга) или **западом ММ** (кош, кощей).

'Марья' (сестрица брата — как древний мотив инцеста); (тайная) жена сокола; спасается от царя-медведя; злая и хитрая королева — неверная жена) — определяет отношение текстов к **востоку ММ**, а 'Моревна' — к **центру ММ** того же "ка(о)шеевого" **пространства — времени** сказки.

'Настасья' и 'Анастасия' — относятся при этом к **западу ММ** (первая) и к **югу ММ** (вторая).

'Елена' же — к **востоку ММ** (ждущая и испытывающая женихов; злая и неверная (тайная?) жена; убийца мужа и сообщница Змея и т.п. — 'прекрасная', двуликая 'лунная дева' = сама 'луна') или к **западу** "кошеевой" **ММ** (невеста, обладающая магическим знанием, которую нужно перехитрить; с золотыми крыльшками, — 'премудрая' или 'лунная дева — волшебница и воительница').

Интересно, что 'Елена Прекрасная' в сказке (№ 129) **желает купить кошку**, т.е. 'подчинить себе смерть'. Ср.: только 'хозяйка кошек' может позволить **убить** это **бессмертное** (с девятью смертями) животное; она же жестоко **карает** за убиение 'кошки'.

В контексте традиции 'Елена Премудрая', воинственная 'дева = луна', и есть таинственная по своим магическим и охотничьим функциям славянских фольклоров 'хозяйка кошек', 'Елена же Прекрасная', дева иницируемая и только-только посвящаемая в таинства сакрального знания, не более, чем 'одна из кошек' несущая смерть живому — в том числе мужу, но находящаяся во власти 'хозяйки'.

Очевидно 'Елены = луны' соотнесены как 'молодая = прибывающая' (прекрасная) и 'старая = убывающая' (премудрая). В космогоническом контексте данных сказок 'кощей' есть 'старик, имеющий слабый источник света (луну), но не умеющий ею пользоваться'; в солярном контексте — он 'похититель луны', т.е. 'лунное затмение'.

В соотношении с 'Настасьей (ночным = подземным солнцем) — Анастасией (дневным светилом)' наш 'кощей' будет 'хранителем источника света (солнца)' — в космогоническом осмыслении текста сказки и 'похитителем солнца' (древним славянским божеством-волком Хорсом и солнечным затмением). Но в любом тексте 'кощей' всегда будет

а) с одной стороны, деструктивным началом (носителем смерти или самой смертью, или даже мертвым ро-

довым неуспокоенным (в т.ч. упырем) требующим все новых жизней, а потому все сметающим на своем пути),

б) с другой стороны же, креативным — но не продуктивным (мужским родовым) — началом (мертвое, хранящее под семью запорами силу жизни — воду и женское родовое, чудесного коня, меч и мужское родовое, т.е. сакральную силу продуктивности и многоплодности рода, племени).

В связи с семантическим комплексом 'заглатывание', 'сокрытие (в утробе, пасти)', а затем 'выплевывание' (возвращение — добровольное или принудительное), 'хранение внутри (в темноте, под землей, во чреве, в погребке, взаперти)' — через мифологические представления о 'скрадывании солнца (затмении) тучей, волком, медведем, крокодиллом, змеем = ящером' — становится понятна семантическая общность в русском языке

а) с одной стороны 'кота' (коша) и 'кошки',

б) с другой — 'кош(е)ля' (хранятся монеты, деньги, золото = продуктивная мужская сила жизни, семя рода), 'кош(ёлки)' (плетеной корзины, короба и проч. для пирожков, ягод, грибов, хлеба и др. еды-снеди).

И потому, если **кошель с деньгами** традиционно значим как **мужское в женском**, оплодотворенная утроба, материнское чрево и т.п., то **корзина** и **короб** с содержимым, **едой, питьем, провизией** есть **живое в мертвом**, неродившееся в утробе или умершее в могиле, гробу, на погосте.

Одновременно, 'цепкость', 'хваткость', 'раздирание и поедание (пойманной) жертвы' 'прочное держание (ее у себя в когтях)' есть мифические свойства, определяющие 'кота' и 'кошку', а также 'коша (кощя)', соотносящие их с 'якорем' (*кошка, котва, котка* и др.), а также с 'корзиной для ловли рыбы' (*котец, кот, кошка, кош*) и 'подводной запрудой' (сделанной в виде *корзины* или *мешка из плетений* с той же целью; ср. также: **коряга** и **кошка-песчаная мель**).

В мифологическом контексте традиции обретает объяснение и еще одна языковая "загадка": почему в русском языке и его диалектах *мачка* обозначает одновременно

- а) **кошку** и **утку**, а также
- б) **отца** и **мать**.

На первый вопрос мы получим ответ в разделе о 'водяных девах' (серых утицах и камышовых кошках), а на второй вопрос ответом будет соотнесенность "сказок о кашее" с представлениями древних о космогоническом (начале мира и вселенной), с так называемым "солярным мифом" (о солнце и луне, инцестуальной небесной паре), о нечеловеческом и магическом начале человеческого рода (тотемный предок — "нечеловек", а тотемное начало рода, и "не человек", а божество или лютый зверь), а также об участии мертвых человеческого рода в составлении брачных пар и передаче по наследству **силы жизни** — креативной и продуктивной, мужской — сексуальной и многоплодной.

На этих уровнях мифические существа являются еще **андрогинными**, т.е. являются одновременно и **мужским** и **женским**, и **отцовским** и **материнским** началом. Такие представления связаны прежде всего с **луною** (чудесной девою наших текстов) и **солнцем** (то сестра, то брат), а также с **тотемным предком** (медведем, волком, лисой) и **первым умершим** в роду (*деды, баба, яга*).

Таким **двуполым** или **бесполом** мифическим существом была, очевидно, у древних славян 'золотая баба' — страшная и разящая, смертоносная (*луна и дева-охотница, хозяйка кошек, Зевана, и девушка-смерть, с косами*) и одновременно обеспечивающая плодородие, многоплодность и силу [в продолжении] рода человеческого.

Таков и сказочный 'кош' — одаряющий и убивающий (жеребий брошен — не в *кош* ли для *костей* и *метания жребия?*), обладающий 'медным лбом' (креативною силой мужского), воруящий дев и жен (вступающий даже в инцестуальные связи) и мертвый, костяной — окостенелый и давно лишившийся мяса (плоти и жизни), живой мертвец, ни живое ни мертвое, а потому — как и 'баба', 'яга' — ни мужское ни женское.

Символика цвета в контексте пространственной модели мира

Двойственность, или традиционная парадигматичность, **живого и мертвого, мужского** (в женском) и **женского** (в женском же — девах из мира тьмы и смерти) проявляют и ка(о)щевы пленницы. Поскольку мы уже говорили о соотнесенности их с различными **точками “ка(о)щевой” пространственной модели мира**, то остается проследить традиционный семантический комплекс ‘мертвая невеста’ (дева из *царства смерти, медного, железного* или собственно — *мертвая дева* — из **центра ММ**):

- 1) ***хитрая***, цепкая, раздирающая жертву, убивающая мужа, охотница и жестокая воительница, которую нужно обмануть, перехитрить, взять силой, — **женское молодое, деструктивное для мужского и всего живого, заряженное смертью**;

тайная невеста, жена; неверная жена, обманщица, принимающая (Огненного) Змея; **восток ММ**; злобная ка(о)щевна, змеиха, оборотень, людоедка; связь с **серебром**;

- 2) ***хорошая жена***, достойная пара, добытая в честном бою и при выполнении трудных задач, но она желанна всем, поэтому любой (и змей, кашей, братья) готовы взять ее силой, обманом, подлостью; ее нужно найти, добыть снова, отвоевать и вернуть; — **женское молодое, женское для мужского, брачное**,

продуктивное, потенциально многоплодное, отмеченное мужское креативной силой своего (чудесного) рода;

невеста и жена (иногда в чужой коже — стыдно показать родным, заколдованная) или невеста-птица (нашла крылья — улетела, но не по своей воле); нужно найти и вернуть, добыть заново; **юг ММ**; верная жена; не столько оборотень, сколько фея, обязательно дочь водяного царя или царя (вод?) подземного царства; отмечена принадлежностью **золотому царству**;

- 3) *завидная невеста*, за которой нужно спуститься в мир мертвых и там одолеть ее отца (и мужа) = мага, разрешить трудные задачи (с ее помощью), выполнить (так же) трудные задания, суметь похитить невесту и, что не менее важно (а потому возможно лишь с ее помощью), **довести ее до дому**; — **женское молодое, опытное, доступное для мужского и женское для мужского**;

девушка из тайного лесного (мужского, отцовского) дома, хорошая невеста, отмеченная знанием мужского сакрального и мужской продуктивной (и креативной) силою; **запад ММ**; принадлежит **медному царству** — Коша Бессмертного и Кота-Медного Лба, Кашеевна, дева-василиск и Василиса;

- 4) *верная жена*, разыскивающая жениха (тайного мужа) в царстве мертвых (**железном**, ягином); девушка, проходящая инициацию, предшествующую удачному браку (который может состояться только с помощью мертвых своего рода — чудесные дары и чудесные

свойства, а также достойного мужа обретает настойчивая и прилежная дева в этом путешествии на тот свет); — **женское молодое, предбрачное, готовящееся к браку и стимулирующее свою будущую продуктивность и многоплодность;**

обретение мужского в женском, креативной силы мужского своего рода и сакрального знания, хранимого мертвыми этого рода; **север ММ;**

- 5) *спящая дева*; дева в царстве сна и смерти, т.е. смертного сна (**жемчужное царство**), куда может долететь только мифическая **птица Моголь** (Птица = Сама Смерть), она же **Кощей**, действительно **бессмертный**: тот, у которого есть 'смерть на конце иглы в яйце... и т.д.' есть 'ка(о)щей медного (западного) царства'; дева, которую нужно разбудить (поцелуем), извлечь из стеклянного гроба (хрустального, т.е. твердого, прозрачного и невидимого для живых, — это некий мифический "куб смерти" или "куб смертного сна", из которого выхода нет), и т.д.; на пути к ней и от нее герой расплачивается собственной 'плотью' (мясом) и 'кровью', подкармливая в пути страшную **птицу = смерть** или **зверя (льва) = смерть**;

это — **женское молодое, инициируемое старым родовым, готовящееся к браку и продолжению рода**; царство это не имеет цвета, т.к. оно невидимое (= **синее**, море, вода, пучина, небо; или = **зеленое**, много травы, пышная зелень деревьев, цветущие луга, — царство смерти и рай; Вырий). Дорога туда страшна (мост = радуга).

Интересно еще одно “цветовое соответствие традиции: ’дева царства мертвых, заряженная смертью’ (и желанная невеста), реализуется в традиции, в частности, ’уточкой’, ’кошечкой’ и ’козочкой’. Все эти реализации имеют в фольклоре возможные **цвета**, определенные для типа текстов и фиксированные в отношении **времени — места обряда**, т.е. относительно **точек ММ и сторон света**. Так, все они могут быть

1) **серыми** (ночью все кошки серы); т.е. относиться к **северу ММ**,

2) **белыми** — к **востоку**,

3) **красивыми (= красными)** — к **югу ММ**;

4) **черными (= бурыми или красно-черными)** — к **западу**;

5) и **не иметь окраски** либо же обладать **чудесной окраской**: **золотой, серебряной, огненной, сияющей** и проч.), т.е. относиться к **центру ММ**.

В последнем случае они могут иметь “что-нибудь” **золотое** — крылышки, перышки, рожки, ножки, копытце, глаза и т.п.

Интересно, что центру модели может соответствовать также ’белый’ цвет, но в значении не ’белый = непрозрачный, закрытый от непосвященного’, как это будет в случае “восточного” варианта девической инициации, а ’белый’ = очень старый, пелена смерти, невидимое, скрытое от всех глаз’ (как, например, снегом, вечным льдом, холодом, и т.п.).

Это будут уже традиционные представления о 'белой женщине = самой смерти' (белой деве-лебедь, белой зиме, старухе, деде, бабе; белом медведе, белом волке, белой кошке и льве — о которых будет чуть дальше; белом вороне и белом орле, белорыбице и белой коровушке; белой, т.е. сивой кобыле и таком же мерине, поскольку и 'смерть' — “двуполая” и бесполоая одновременно — имеет в народных представлениях множество разноуровневых реализаций-образов, каждый из которых имеет свое, мифологическое, обоснование и объяснение).

Впрочем, 'отношение к мертвому, нечистому, магическому и двойственному — в единстве **смерти** и **жизни**' чаще всего выражает 'черно-белое', 'пестрое' (рябое, пятнистое), что, с точки зрения традиции, одно и то же: **Многоцветная кошка**, по поверьям, приносит в дом счастье, **пестрая уточка** — умная и хорошая помощница, **пестрая козочка** в европейских фольклорах выносит героя 'из-под земли', 'с того света' (наравне с чудо-конем, волком или птицей).

Обратим внимание на то, что именно “разноцветность” (лань-золотые рожки, серебряное копытце, золотые волосы или волосинка — у свинки, принцессы и др., руки — по локоть в серебре, ноги — по колено в золоте) соотносит текст в пространстве сказки к **центру ММ**, т.к., если, допустим, 'конь' — **золотой, серебряный** или **медный**, то он относится к одному 'царству (в мире нечеловеческом и мертвом)': к **золотому - югу, серебряному - востоку, медному - западу**, и т.п., как **хру-**

стальная гора (гроб, трон и проч.) — к **невидимому центру ММ**.

Однако **пространство смерти** есть **пространство времени** (смерти), которому традиционно — как, впрочем, и любому другому мифическому 'пространству' — свойственна **ось времени** (*прошлое — настоящее — будущее*; в нашем случае — прошлое, настоящее и будущее **в смерти**).

Существует некая зависимость между цветом и временной **осью ММ**: каждый цвет соотносим с **тремя точками пространственной ММ** и, очевидно, объединяет их в 'осевую времени', которая может быть как бы "свернута" в пространстве **модели ММ** (у нас — кощеевого) — тогда цвет относится в равной степени к **трем точкам ММ** или "развернута" в **ось** — собственно **времени**.

Для "свернутого в пространстве" **времени** это будут:

1. **Центр** (*белый* = невидимый),
север (*белый* = старый, мертвый, седой),
восток (*белый* = непрозрачный; в процессе инициации **невидимое** становится **видимым**, т.е. как бы "проясняется взору").
2. **Центр** (*пестрый* = двуединство жизни и смерти),
север (*пестрый* = связь **живого** и **мертвого**; дорога на тот свет и обратно).
Запад (*пестрый* = магическое, страшное и изменчивое; мертвое, опасное для живого; во всех **точках ММ** "пестрое" будет **черно-белым**).

3. **Центр** (*черный* = мрак; невидимое непроглядное, куда не проникает луч света),
север (*черный* = незрячий, ослепленный смертью);
 связь с *землей*),
запад (*черный* = коварство, зло, деструктивная сила, т.е. деструкция смертью, воинственная смерть, сметающая все живое на своем пути; нечистое, т.е. черные силы магии).
4. **Юг** (*красное* = сила жизни; креативное начало, продуктивное),
восток (*красное* = *белое*; *алое*; ср.: алый цвет зари и белый цвет зари в русском языке выражают одно и то же; общеевропейский пракорень 'al' — 'белое'),
запад (*красный* = *черный*, *бурый*; огненный, страшный).

Как видим, “цвета” всего три, поскольку и **точек на оси времени** тоже три:

- 1) **белое** - прошлое, мертвое;
- 2) **красное** - настоящее, живое;
- 3) **черное** - будущее, неведомое и страшное, а потому все равно, что мертвое (и известное только **мертвым своего рода**).

Это — собственно **ось времени** для **точки центра ММ**.

В “совмещении” **черного** и **белого** в **пестрое** осуществляется связь между **центром ММ** и ее **севером** —

потому что это и есть мифический 'путь на тот свет и обратно'.

Для **точки запада** “пестрота” **черно-белого** относительна, поскольку **запад** как 'старое, опытное, непродуктивное', а значит, очень близкое к смерти и обладающее к тому же магическим знанием мертвых (или о мертвом), путем “чар” может произвольно осуществлять этот путь — туда и обратно, — однако “пестрота” эта не является постоянным свойством **запада** — она изменчива, непостоянная, “от дьявола”.

Тем самым **пестрота** выступает как некая **ось невидимого**, где **запад - прошлое** (человеческое), **север - настоящее** (в смерти) и **центр - будущее**, т.е. 'жизнь во смерти' (а это целый комплекс мифологических представлений любого народа).

Пестрота проявляет себя как **ось севера ММ** (ось времени в пространстве севера).

Для **белого** (цвета инициации, т.е. посвящения молодых юношей и девушек, приобщения их к знанию своего рода) **север** есть **прошлое** (старое родовое, мертвое и исходное), **восток - настоящее** (на момент инициации) и **центр - будущее** (как неизбежность смерти, а также: смерть как синтетическое знание тайн мира; смерть — конец и смерть — начало жизни, зачатие).

Для **черного** (цвета посвящения в сакральное — магическое знание мертвых своего рода) **центр** есть **прошлое** (т.к. через ритуальную “смерть” всегда происходит посвящение в шаманы, маги, ведуны, колдовство), **запад - настоящее** (бытие во знании) и север (старость и умирание тела, возврат в мертвое родовое) - **будущее**.

Обратим также внимание на то, что и **пестрое**, и **белое**, и **черное** принадлежат 'мертвому родовому' и 'жизни во смерти'. **Красное** же, напротив, есть **сила жизни** — в контексте 'кащеева царства (смерти)' это — 'хранимое мертвыми для живых во имя продолжения рода.

Здесь **алое** (красно-белое) есть **прошлое** (инициация до брака, где брак как высшая точка проявления этой силы жизни, в том числе и в мертвом, женском, утробном: **зачатие**), **красное** (зачатие); мужское в женском и живое в мертвом) есть **настоящее**, а **бурое** (червонное, красно-черное) есть **будущее** (старость, бессилие; мудрое — опытное и знающее, но непродуктивное).

Данная "цветовая гамма" одинакова для любого 'пространства модели мира': к какому бы аспекту традиционного мироощущения она ни относилась, т.е. какой бы **фрагмент общей ММ** ни моделировался в том или ином сакральном тексте (от пословицы до сказки и обряда в целом) **ось времени** всегда неизменна, и всегда будет окрашена в те же "цвета".

Единственное "несоответствие" в том, что 'ось времени **сотворения мира**' будет перевернута — относительно 'оси времени **сотворения сущего**', а ярким примером тому являются два 'древа мира' (дерево жизни растет корнями вниз, а дерево мира (до сотворения сущего и жизни на земле) — корнями вверх).

Из настоящей "цветовой" **модели мира** становится понятным, почему 'черно-белое' животное, 'пегий конь' и 'сивый человек' всегда считались опасными и непредсказуемыми: возможным источником беды и несчастья,

если их не приобщить к 'своему родовому' *дарами, едой и питьем* (обряды задабривания *не своего*). Становится понятным и - почему 'пестрые' животные, в которых к 'черно-белому' примешивалось еще и 'красное' (т.е. относящиеся к **центру ММ** и ко всем ее точкам одновременно), считались 'счастливыми' и большой удачей для дома и хозяина — всегда “приходились ко двору”.

'Белые' (без пятнышка = чистые) животные и птица приносились в **очистительную жертву** и использовались для **задабривания мертвых** своего рода. Напротив — 'черные' животные и птица использовались для 'нечистых' обрядов — колдовства, волхованья, ведовства, вызывания душ умерших и духов зла (хтонического подземного царства), наведения порчи.

Вот так мы и добрались до **черной кошки**, вечной спутницы ведьм и колдунов, с коей связано столько страшных примет, суеверий и магических обрядов — черной магии. Она может служить **оберегом от зла и несчастья**, а может сама **принести в дом беду** (или человеку — если **перебежит** ему дорогу). Как тут не вспомнить о чудесных 'девах из мертвого царства' — Елене **Перекрасной** и Елене **Премудрой**! “Кошка к несчастью” и “кошка к счастью” — жениха и мужнего дома.

По мифологическим представлениям славян и европейцев, живой может видеть только в **мире живых**, а в **мире мертвых** он “слеп” (ср.: умирая, человек “теряет зрение”, а **слепцы** считались гостями оттуда, из мира мертвых; одновременно слепцам приписывалось **видение невидимого**, тайного и происходящего в мире

мертвых — они пророчествовали). В то же время мертвое не может видеть в **мире живых**, оно слепо **при свете дня** (чем и можно воспользоваться, чтобы его “обмануть”).

Для того, чтобы ‘мертвые’ прозрели в мире живых, а ‘живые’ могли видеть в мире мертвых (т.е. видеть невидимое — умерших своего и несвоего рода), и те и другие должны приобщиться к **противоположному** миру при помощи ‘питья’ и ‘пищи’. Отсюда ритуалы “закармливания умерших” (поминки, проводы и поминальные недели, родительские и задушные). Отсюда же запреты страшных дней (не прясть, не чесать шерсть, не мести мусора — чтобы не запорошить глаза умершим родителям — а то они останутся ‘незрячими’ и в мире мертвых). На этом же строятся представления о ‘живой’ и ‘мертвой воде’.

42 мыши и 44 гроша русской скороговорки

Многие знают скороговорку: “Шли сорок мышей, несли сорок грошей, а две мыши поплоче несли по два гроша”. Видимая бессмыслица, составленная на первый взгляд для обучения ребят “чистому говорению”, имеет — как и все в фольклоре — глубокий скрытый смысл, не доступный не посвященному (профану), т.е. не достигшему определенного уровня инициации, либо принадлежащему другому роду, для которого данное сакральное знание остается закрытым или наполнено не сколько иным смыслом.

Та же самая скороговорка, произнесенная с вопросительной интонацией, превращается уже в загадку, а загадка в традиции всегда имеет свое **ритуальное место** и обязательно **несколько отгадок**, таких разных и непохожих — с точки зрения непосвященного в тайны родового сакрального знания. Разных потому, что все в мире — каждое явление, предмет, свойство, поступок, понятие — могут быть традиционно описаны или названы разными словами, словосочетаниями, иносказательно и опосредованно: таков семантический язык любого фольклора.

Однако это не есть “поэтическая образность народного зыка”, как мы много лет привыкли считать, — во всяком случае, в прямом смысле этого выражения. Потому, что взгляд древнего славянина на окружавший его мир не поэтичен, а конкретен, рационален, практичен. И в то же время мифологизирован: его окружали персо-

нификации природных явлений, стихий, ландшафтных особенностей. Он наделял духовным разумом животных и птиц, деревья и цветы, тучи и камни. Будучи наивным, наш предок просто не представлял себе, что все это множественное разнообразие природы может ощущать себя не так, как он сам ощущает себя, переживать не те же чувства, эмоции, смотреть на мир не такими, как он, глазами, не обладать, как он, опытом, разумом, волей.

Сегодня, для нас, — это поэзия; тогда, для него, — это была повседневная реальность: огромный мир во-круг, населенный таинственными духами, божествами, душами, тенями умерших предков. И огромный мир, каким он тогда представлялся, для него повторялся — в совокупности своей и в деталях — в большом и малом (макрокосм вселенной и макрокосм человеческого тела), в общем и частном (дремучий лес и лес на голове; лесные звери и нательные насекомые, звезды в небе и рыбы в озере). Поэтому, описывая 'луну', человек описывал и 'прорубь (во льду)', и 'отражение в воде' (деньгу на дне; колодец, полный чистой воды, ладонь с водицей — напиться; девушку, готовую к встрече жениха; и др.)

Именно по той же причине у каждой пословицы есть несколько уровней значений — от внешнего, который лежит на поверхности и понятен каждому, до глубинного и тайного (сакрального), доступного лишь посвященному. То, что видит в пословице малый ребенок (и мы сегодня — утратившие живую связь с древней народной традицией и мифологическим самоощущением), не то, что увидит в ней, к примеру, девочка-семилетка, или иницилируемый подросток (знающий о мире больше и

дитяти, и девчонки). А юноши и девушки поймут в ней гораздо больше: как ловко и к месту перекидывались они пословицами и загадками на посиделках, на коллективных работах (сенокосе, пожне, на току или помочах, толоке)!

И те же пословицы или загадки в устах людей зрелых, опытных, а тем более - стариков, обретают двусмысленность, иносказательность, нередко даже фривольность. Каждое традиционное высказывание оказывается мудрым, многозначным, предполагающим и глубокое раздумье и философское (и мифологическое) осмысление, понимание.

Одной и той же загадке разгадки бывают разные. Одна — если детвора проверяет друг друга, кто больше знает об окружающем мире, кого чему научили старики, старшие ребята, родители. Другая — если перед подростками, только-только вступившими на путь инициации, приоткрылась завеса над тайнами рода и пола, отношениями между зрелыми людьми, над социальной иерархией и силами одухотворенной мифами природы. Третья — если испытывают жениха и его поезжан на пути к дому невесты (их силу, ловкость, догадливость, мужскую сноровку и опытность): каждый хочет знать, хорош ли жених, каждый ставит на его пути преграды, задачи и загадки. Но и невесте от родных жениха достается не меньше.

Вот, 'сорок мышей' да 'две мыши (поплоше)' из детской скороговорки-головоломки. 'Мышь' в сказке, за просто разбивающая хвостом неподатливое рукам 'деда' и 'бабы' 'золотое яичко' начала творения сущего, "мира

человеков”, с его, этого мира (человеческого), **жизнью** и **смертью**, есть ’тихая’, т.е. естественная, своевременная и закономерная, ’смерть человеческая’. Это ’мертвое родовое’ (своего рода) и **вереница** обычных смертей, которыми неизбежно (в срок) завершаются человеческие жизни.

В фольклорной традиции ’сорок’ есть знак ’полноты’ (даже счет на Руси вели “сороками”), нечто завершенное и исчерпанное. ’Сорок’ — это ’жизнь человеческая’ (полная — зрелости и исчерпанная — до дна, до самой смерти, точка которой уже маячит невдалеке). Предвестницей смерти считают ’сороку’ (или ’собаку’, что является реализацией того же традиционного смысла: связь с мертвым родовым, вестница смерти и проводник умершего на тот свет).

Поэтому на одном уровне понимания сакрального текста поговорки-скороговорки, таящей в себе загадку (меняется в речи лишь функциональное употребление: то первое, то второе, то третье), ’40 мышей’ будут пониматься как ’мертвое своего рода’: 40 умерших (ср.: сорок мучеников, сорок колобов золотых, сорок куполов во граде, сорок сороков), или 40 поколений умерших. А на другом уровне? Каждая ’смерть’ завершает чью-либо ’жизнь’, а ’жизнь’ (человека, природы, мира наконец) есть ’год’ (один, круглый, полный и завершенный).

Значит, ’40 мышей’ есть ’40 лет’, а ’40 лет’ есть ’жизнь человеческая’ и ’зрелость человека (в жизни)’. Тем самым человек проживает каждый ’год’ как целую жизнь и за ’40 лет’ им прожито (пережито) ’40 жизней’; и каждый ’год’ завершается ’смертью’ (года и очередной

человеческой жизни, или цикла человеческой жизни): 40 мышей — 40 смертей одного человека, сорок жизненных циклов, которые он пережил на своем пути — пока достиг зрелости своей и приблизился к смерти своей, стал у ее порога.

Что же за 'грош' несет каждая из 'сорока мышей'?

'Грош', 'монетка', 'деньга', 'золотой', 'копеечка' и т.п., т.е. 'богатство', 'деньги', 'наследство', а иногда 'клад', 'дар', значимы в любой традиции как 'родовое сакральное', 'мужская (продуктивная) сила рода', которая хранится у 'мертвых своего рода' и передается ими по наследству, от родителей к детям — поровну или не поровну распределяясь между потомками в каждом поколении. Возможно, сила эта распределяется и между 'годами = жизнями одного человека также равномерно? Во всяком случае, каждая из наших 'сорока мышей' несет по одному 'грошу'.

Надо сказать здесь, что, по мифологическим представлениям наших предков, 'сила жизни' выдается человеку как бы займы — на его жизнь: умирая, он возвращается к своим родовым истокам, к мертвым своего рода (откуда, собственно, и пришел в мир живых, народившись на свет), и возвращается к своим родовым истокам, к мертвым своего рода (откуда, собственно, и пришел в мир живых, народившись на свет), и возвращает мертвым своего рода данную ему займы 'силу жизни' (сакральное знание и продуктивную мужскую силу, которыми пользовался по своему разумению, в жизни).

Прямо скажем, у нашего мифологического предшественника все было не его, все бралось им — на целую жизнь — займы. А по смерти возвращалось, отдавалось мифическим “заимодавцам”: земля (прах, тело, плоть) — земле, дух — (воз)духу (душа — вдохнувшему ее божеству; а поскольку древние имели не одну душу, а несколько, то и отлетали эти души **постепенно** — с умиранием человека, на разные расстояния и в разные места, или сферы мифического мира). Так было и у славян: например, последний ’вздох’ доставался подземному старику и хозяину преисподней ’Оху’ (возможно “ах!”, “ух!”, “эх!”, “их!” и проч. — реликтовые останки восточнославянского “многодушия”).

Но в нашей загадочной скороговорке есть еще “две мыши **поплоше**”, которым отводится специальная роль (в жизни человека): “нести по **два** гроша”.

’Поплоше’ значит — в чем-то не полноценные ’мыши = годы (человеческой жизни)’. Можно предположить одно из двух: либо они, эти “мыши”, есть ’годы старости’, отделяющие **зрелого** человека, жизнь которого **завершена**, от ’своевременной смерти’; либо одна “мышь” есть ’мышь = год жизни во чреве матери’, а вторая — ’мышь = год старости’, отделяющий человека от ’смерти’.

Тогда “два гроша”, или некая двойная “заряженность” магической (креативной родовой) силой, вполне оправдана: в первом случае суммируется, как бы, сила матери и дитя, во втором — сила старика и сила мертвых рода, с которыми он, старик, по мифологическим представлениям, уже слился, хотя и не воссоединился

пока на 'том свете': ибо 'старое' и 'мертвое' традиционно одно и то же, 'стар = мертв'. Культ стариков у славян и есть культ "дедов", т.е. 'мертвого родового'.

Для рассматриваемого нами сакрального текста скороговорки (пословицы и загадки — в зависимости от функционального места в том или ином обряде) значимы и следующие традиционные смыслы 'чисел':

1) $40 + 2$, или 42 , есть "трижды по четырнадцать", т.е. 'детство', 'отрочество' и 'зрелость' человека, или 'три поры = времени человеческой жизни', соотносимые с 'весной', 'летом' и 'осенью', при трехчастном делении 'круглого года' (жизни природы);

2) $40 + 4$, или 'сорок четыре', есть, с одной стороны, завершенность "пространства жизни" (число 'восемь', которое в сумме дают составляющие '44': $4+4$), и стремление к законченности "жизни на этом свете", к совершенству в "мудрости смерти", к возврату к своему 'нечеловеческому началу' (божественному или тотемному);

3) все это семантически заключено в стремлении к числу 'девять', или '45': $4+5$, или: $8+1$, последний шаг к 'смерти' и 'новой жизни (в смерти)'

Итак, скороговорка про "мышей" моделирует, как видим, сакральные отношения человеческих **жизни** и **смерти**, в философском и мифологическом единстве представлений о брэнности бытия и совершенстве завершенности (кое дает лишь 'покой в смерти', в котором зарождается 'будущая жизнь', не давая роду человеческому прерваться или иссякнуть).

В традиционном осмыслении метазнака 'мышь' (смерть человеческая — своевременная и предначертанная, а также мертвое человеческое — родовое и благожелательное к живым, тихое и нестрашное) заключаются его семантические функции в фольклоре (поговорах и загадках, песнях и играх, сказках и обрядах).

Так, 'мышь' связана с 'крупями' и 'зерном' (закромами, амбарами, зимними запасами; богатством — много хлеба, или нищетой — нет хлеба). 'Зерно' (пшеница, рожь, просо и проч.) имеют тот же традиционный смысл, что и 'деньги' (богатство, изобилие): это — 'родовое продуктивное', 'мужская сила рода (мужское семя)', делающая род отмеченным, т.е. сильным, множественным, непобедимым и непрерывным, неиссякаемым. 'Крупа' есть 'запасы этой силы', хранимые 'мертвыми своего рода'.

Но, поскольку 'мышь' — это еще и 'смерть родового' (человеческая), то ей свойственно 'поедать запасы (крупы, зерно)'. Он любит "погрызть" или "прогрызть" 'сыр', значимый в традиции как '(незрелый, сырой еще) материал творения', т.е. материал сотворения новой жизни.

Тем самым такие свойства его как 'сырость' (незрелость) и 'мокрота' (избыток влажности) соотносят 'сыр' с 'женским' (утробным и материнским), то, очевидно, 'поедание сыра' есть уничтожение утробного плода, или 'смерть еще не родившегося на свет', зародыша человеческого. Так же, как 'поедание (мышью, мышами) зерна в амбаре' есть 'потрава мужского семени', т.е. причинение вреда потомству рода.

Впрочем, если “изгрызенный сыр” или “потрава зерна, хлеба в амбаре” традиционно воспринимается как несчастье, беда, разор хозяйству и дому, то “мышка, грызущая сухую корочку (хлеба)” вызывает чуть ли не умиление: эту картинку покажут ребенку; мышке специально оставят возле норки сухую корку (для мышат), крошки от еды.

С одной стороны, это, конечно же, элемент традиционного ‘кормления мертвого родового’ и ‘задабривание мертвого (и смерти)’, чтобы не было беды живым.

С другой же, ‘мышь, грызущая корку (сухую)’ семантически значима как ‘мертвое, поедающее мертвое’: ‘сухая корка (хлеба)’ есть ‘родовое старое, мертвое’ и ‘мертвое тело’, т.е. оболочка, из которой уже отлетела душа и в которой иссякла жизненная сила.

Ср.: ‘хлеба’, ‘хлеб’ и ‘хлебы, выпекаемые в печи’, есть символ ‘продуктивности’ и ‘продолжения рода’. ‘Печь, выпекающая хлебы’ = ‘женское живородящее’ (мотивы свадьбы). ‘Хлеб, преломляемый или нарезаемый за столом старшим мужчиной рода’ = ‘распределение жизненной силы рода’. ‘Замесить, поставить квашню (тесто на хлеб)’ есть эротическая и сексуальная символика, поскольку действие это связано с представлениями об акте сотворения жизни и сущего, и в первую очередь — с актом сотворения человека.

Тихий Тихон (Трифон) и Хозяйка кошек

Если **домовая мышь** есть 'мертвое своего рода', то **полевая мышь** есть 'мертвое несвоего рода': именно она делает непоправимую поправу крестьянскому хлебу, зерну, т.е. поедает на корню зерно не своего рода, или уносит его в свою норку, делая себе на зиму запасы из чужого хлеба. Мышь любит устраивать свое гнездо в сене, а 'сено' значимо как 'женское мертвое (своего рода)', и тем самым 'мышь' соотнесена с 'мертвым **женским**' (а не мужским: соломой).

Поэтому в сказке 'мышка' участвует в инициировании девушки (выполняющей задания и уроки в доме бабы-яги): помогает девушке мудрым советом, учит, как убежать от яги (тотемного первопредка по женской линии, или первой смерти своего рода), делает вид (чтобы обмануть ягу), что прядет (вместо девушки; стучит хвостиком об пол — потому что **мышь** прясть не может, это функции **кикиморы**, к примеру; мышь же только **перегрызает нить**, т.е. нить жизни человеческой?).

Но иногда 'мышь' помогает и юноше (как мертвое женское его материнского рода) — в добывании невесты: проникает в запертые хоромы, достает кольцо (значимое как женское = девическое, для мужского; изначально вагинальная символика), разыскивает или собирает зерно, поедает гору хлеба за одну ночь, и прочее. Для полноты представления о семантическом поле метазнака 'мышь' и его функциональных возможных связях в традиции целесообразно рассматривать его в кон-

тексте общеевропейского фонда фольклоров, т.к. 'тихое' (мертвое, незаметное, предельно сакральное, тайное) упоминается нечасто, иносказательно, неявно.

Например, 'мышь' часто встречается в текстах русского заговора и активно участвует в магических действиях славянина, где проявляет, прежде всего, свою связь с железом (землей, мертвым и смертью), **железным дубом** (осью и временем смерти), **железным зубом** (ср.: железный зуб яги, которым она перегрызает деревья, на которых пытается спрятаться Ивасик-Телесик; это **зуб** или **коса смерти**) и **зубами костяными** (или костями, мертвым человеческим), **зубной болью** (дает ее и забирает?), и т.д., и т.п.

И ребенку наказывают **быть тихим**, чтобы "мышка не услышала (его)", т.е. чтобы 'тихая смерть' не прибрала ненароком дитяти. Очевидно, в представлении народном, **мышь** связана с той 'болезнью', что человека "загрызает", "сгрызает", "точит" (как мышь стену, пол — незаметно и тихо, ночами, пока не сгрызет, не прогрызет совсем); ср.: "болезнь все нутро изъела, живого места не оставила, или не осталось".

С 'мышью' связаны такие традиционные 'знаки смерти', как 'тишь', 'тишина', 'молчание', 'безмолвие' (минутное, произвольное или вынужденное, и вечное — покоя смерти). Вспомним христианизированное поверье о "пролетевшем тихом ангеле" (если в комнате, среди говоривших, наступило вдруг внезапное молчанье): первоначально, в язычестве, это почувствовалось 'присутствие чьей-то смерти' (из здесь сидящих, находящихся; примета, близкая отсутствию у одного из сидя-

ших за столом тени — к близкой его смерти) или же 'кто-то только что умер (недалеко)' (и душа его пролетела мимо собравшихся).

Следует уяснить также мифологический смысл действия "грызть": "мышка корку грызет" и "собака кость грызет, мосол". Первая — тихо, вторая громко; мышке "досталось" или сама "взяла", собаке "дали", от хозяйского стола, это излишки или остатки человеческой 'еды'.

У мыши же еда не человеческая, 'еда смерти и мертвого'. "Конь грызет удила": 'грызть' как активное 'проявление силы мертвого' (или — силы смерти; так же, как вращение, кручение, стук). "Боль, болезнь грызет", и "тоска, печаль, скорбь грызет", и "мачеха грызет (пасынка, падчерицу)" — пока не сгрызет, со свету не сживет, в могилу не загонит. Ср.: "мачеха" в народе называется одна из "лихорадок, дочерей Иродовых". Связь 'мыши' и 'мачехи' требует более пристального анализа.

Поскольку **мышь** как **мертвое родовое** и форма **смерти человеческого** в традиции есть метазнак сакральный, который — из-за запрета поминать недоброе, опасное, страшное — чаще обходится молчанием, или упоминается крайне редко (доброжелательно и, на всякий случай, умильно), то и в народном календаре мы находим о мыши немного:

- 1) На Трифона, 1 февраля, заговаривают мышей. (Трифон имеет магическую власть над мышами?)
- 2) На Трифона звездисто — поздняя весна. (Звезды значимы как семя жизни, хранимое мертвыми, живое в мертвом. Значит ли это, что если много звезд

на небе, то мертвое настолько сильно, что весне придется подождать? Кстати, 2 февраля, на Сретение, когда зима с весной встречается, смотрят: кто кого одолевает: если к теплу пошло — быть скоро весне, если на мороз повернуло — ждать ее еще долго. Тогда, видимо, и звездисто на Трифона.)

Как видим, Трифон проявляет себя как нечто агрессивное по отношению к 'тихой человеческой смерти', властное над 'мертвым человеческим', от него же зависит, когда прорасти, или пойти в рост, 'семени человеческому' (= звездам небесным)⁵.

3) На Тимофея, 10 июня, к голодному году бывают знаменья.

(Знаменья на **голодный год** часто бывают связаны с **мышами**: Мышь одолевает перед голодным годом. Мыши развозились, или мыши пищат — к голоду. Мышь одолевает перед голодом; мыши из

---

⁵ Интересно, что Трифон в мифологических представлениях устойчиво проявляет свою связь со звездным небом, что тяготеет к мотиву общеславянской космологической сказки о шитье Месяцу **кафтана** и **сапог**. Поскольку размеры Месяца-заказчика то увеличиваются, то уменьшаются, ни портной, ни сапожник не в состоянии выполнить такого заказа. В частности, кафтан оказывается или слишком велик, или слишком мал, узок, отчего трещит по швам, т.е. оказывается весь в дырах – дырявым, как звездное небо (= пространство мифическое). Именно этот мотив использовал И. Крылов как фольклорную основу для своей басни «Тришкин кафтан». Интересно также и то. Что в европейских сказках заказчиком (дырявого) кафтана и сапог может быть и **волк-трикстер**. Существует также мифологическая связь элементов семантической парадигмы *дырявое небо* (в дырках = звездах) / (//) *дырявый сыр* (= дыры прогрызены мышью, от мышиных зубов). Связь **волка** и **месяца-луны** также очевидна.

дому выбирают — перед пожаром. Т.е. всё огонь приберет, подчистую).

Есть и другие приметы, связанные с **мышью**, от которой зависит **хлеб** (урожай на него и цены):

Если мыши нагрызут хлеб сверху, то дорог будет; снизу, дешев; а сбоку, средняя цена. (Это о том хлебе, что на столе лежит. Но есть приметы и о том, что в поле колосится.)

Коли полевая мышь вьет гнездо высоко (в хлебе на корню), то цены на хлеб будут высокие; когда вплоть у земли, низкие. (Примета пермская; значит ли это, что в первом случае хлеба мало уродится, а во втором — много?)

Если мыши во льну гнездо совьют, то в зиму большие снега будут. (С одной стороны, хорошо — быть урожайному будущему году; а с другой — большие заносы, живым тяжело: быть смертям в пути, соьются, заплугают, занесет сугробом, замерзнут. Значит ли это, что найти мышинное гнездо — к нехорошему, к смерти? Не поэтому ли его выливают водой да разоряют мальчишки, и запрета на это нет?)

Ср.: Если мышь попадет за пазуху, то быть большой беде. (Несчастью, смерти — в семье, или собственной.)

Мыши изгрызут одежду — плохая примета: к смерти хозяина платья. (Платье, одежда — как тело человека, вместилище души его и жизни.)

О зубной боли: Если мыши поедят неубранные остатки ужина, будут у хозяина болеть зубы. (Но это не об остатках еды, которые специально оставляются после ритуальной трапезы в честь умерших предков — на сто-

ле и на полу, или выставляются за окно, для мертвых, приходящих к живым (и званных живыми на ритуальную трапезу): если будет съедено это — той же мышью — то это будет к добру и расценивается как принятая мертвыми поминальная жертва.)

И, на первый взгляд, противоположная примета: Есть (то), что мышь нагрызла, зубы окрепнут.

Однако здесь не противоположные, а разные значения: одно дело мышь доедает за человеком, мертвое — за живым, а другое — человек за мышью, живой — за мертвым. В первом случае 'мертвое' поедает с объедками силы, здоровье и жизнь человека, во втором — человек приобретает, приобщившись к пище мертвого, свойства мертвого — крепкие зубы, железные.

Ср. также: если собака доедает за больным, то наоборот — она “съедает его болезнь” и больной выздоравливает; то же, когда собака зализывает рану.

Интересно также будет рассмотреть и другой аспект “Тимофеева дня” (10 июня): **Тимофеем** называют **котов**, а сокращенное имя от Тимофей будет **Тимоша** и **Тиша** (второе — и от **Тихона**). Имя, дающее такие качества, как 'тихость' и 'вкрадчивость', однако 'Тимофей' семантически близок в традиции 'коту' (котофею), а 'Тихон' — 'мышам'. Ср. также: “timoфеевская трава” и “тимьян” обладают магическими и лечебными свойствами. В календаре ощутима некая, трудно уловимая, связь между “мышинными” днями и солнцеворотом. С последним прямо связан лишь 'Тихонов день':

4) На св. Тихона солнце идет тише.

(На Тихона) Конец поздних яровых посевов.

(Ср.: 'ярь', 'яровое' как проявление 'ярой силы жизни'; 'ярь' также — грибы, традиционный символ мужской силы и ее проявлений: растут как грибы — после дождя; фаллическое, стимулируемое женским.)

На Тихона (10 июня) певчие птицы затихают (соловей до Петрова дня).

(Певчие птицы значимы в традиции как души умерших.)

(На Тихона) Толока (помочь) на навозницу⁶.
(Зандн.)

(Тихон) Вози на пар.

И, как всегда в фольклоре, очередное семантическое соответствие — в данном случае 'мокрая мышь' = 'мокрая курица' — тянет за собой новые мифологические связи, дополняя одно другим. **Курица** есть традиционная **жертва-заместитель** (изначально **человеческой** жертвы), причем жертва, посвященная прежде всего божествам подземного мира, мира мертвых и самим мертвым (первопредку-тотему, первой смерти рода, мертвым своего рода — дедам, божеству смерти).

Но 'мышку' также всегда "ловят", "съедают", "когтят" (цепкие кошачьи лапы, или хитроумные мышелов-

---

⁶ Связь с 'навозницей' и 'петровками' подтверждает соотнесенность 'Тихонова дня' с культом умерших предков. Мотив 'смерти=мышь' в контексте этих обрядов требует внимания и разработки. Очевидно одно: связь мыши и сена, поскольку у нее должно быть (в поле, например) "сухое гнездышко", "усланное сеном". 'Сухое' — потому что 'мышь' есть 'женское мертвое' (и если женское традиционно **мокрое**, то **старое** (мертвое) женское будет **сухим**): "мокрая мышь" равнозначна "мокрой курице", а "мокрое сено" все равно что "навоз" (календарный мотив 'навозницы').

ки). Традиционная модель парадигматических отношений 'мышь = смерть' (как 'смерть человеческого') /(//) 'кошка = смерть' (как 'смерть нечеловеческого' и 'смерть мышинового') отражена, в частности, в известной детской игре **Кошки-мышки**. То же самое мы находим в пословице: Страшнее кошки зверя нет (= на мышей и для мышей; 'кошка' оказывается 'смертью' даже для 'мышки', 'смерти человеческого').

Следует отметить, что специальности "мышелова" и "крысолова" овеяны в народных поверьях и страхом тайны и неким уважением (хотя представитель этой специальности всегда изгой и знахарь, как, например, кузнец, мельник), но не презираема, как работа "кошкодера", вынужденного извиняться перед каждой убиенной кошкой — мол, не я тебя бью, а твоя хозяйка, хозяйка кошек, убивает!).

Изначально "мышелов" (в том числе и кот) семантически близок, либо прямо тождественен "змеелову", т.к. **мышь**, также как и **змея**, народом относятся к 'гадам' (нечистым, паскудным, гадостным). Наверное и **кошка** **нечиста** потому, что "ест мышей (гадов)". А через это **нечист** и "кошкодер".

В то же время мотив 'борьба с гадом' есть мотив 'змееборства', восходящий, с одной стороны, к мифу об убиении 'огненного змия' (и Хорса — пожирателя солнца), о победе над ним некоей персонификации 'яркого солнца' - медведя, побеждающего пса-волка, Хорса; св. Георгия, или Егория, победоносца; Ярило; Спас ярое-око, иконы Спасителя с карательным взглядом.

Вот в какой семантический ряд попадает мифический 'кот' (Тимофей) славянской и европейской традиции.

Достаточно вспомнить французского Кота-в-сапогах, победителя великана-людоеда — на миг обратившегося (по глупости) в тихую мышку). Но тот же "Кот-победоносец", или 'смерть нечеловеческая', царящая над 'человеческими смертями' (мышами), может оказаться в одном ряду и с **недобрым** волком русской сказки; сравним пословицы:

1. Отольются кошке мышкены слезки.
2. Отольются волку овечьи слезы.

Здесь же можно было бы упомянуть и о 'курице', безвинной жертве 'орла' (и 'ворона'; что традиционно одно, или почти одно и то же). Тем самым общее в этих пословицах будет отношение: **жертва** божеству — само **божество** (страшное, опасное для человека и несущее смерть, т.е. карающее; требующее человеческих жертв, или их заместителей — кур, овец, агнцев, мышей?).

Как видим, перечисление в скобках (жертв) не получилось. Как не получится оно, если в один ряд с **волком** и **вороном** (орлом) поставить — вместо **кота** — **кошку**. Если 'волку' и 'орлу' требуется 'кровь' (живое, полное силы жизни), то 'ворон' довольствуется 'падалью', 'мертвечиной', а 'кот' и 'кошка' (и мифическая 'хозяйка кошек') — 'мертвым человеческим, умершим в свое время и своей смертью'. 'Волку' нужно 'женское продуктивное' (овца), а 'кошке' — 'женское мертвое' (мышь).

Вот с каким сложнейшим комплексом представлений древних славян мы столкнулись, анализируя пословицы,

на первый взгляд, взаимозаменяемые в народной речи. К сожалению, здесь нет ни времени, ни места, чтобы разобратся в этом сложном и очень интересном вопросе, поэтому материал дан для иллюстрации.

А разрешение его в буквальном смысле находится “на конце иглы” в мифическом “яйце Кашеевой смерти”, ибо в парадоксальном равенстве “Кощей” = “Кот-медный лоб” = “Волк-медный лоб” = “Змей-Горыныч” и др. таится эта разгадка. И в таинственной “Хозяйке кошек” (хозяйке леса? хозяйке зверей и птиц? Василисе Премудрой?), которая в русской сказке странным образом связана с “**рыскающей** по белу свету ягой”.

Не меньшую загадку для исследователей составляют и так называемые “детские песенки” европейских фольклоров, где — от восточных славян до жителей скалистого Альбиона — все поют детям **колыбельные** о мышатах и кошках, “воркотах” и “угомонах”, которые могут укачать дитя, погрузив в добрый благодатный сон, на радость матери, а могут усыпить навечно, в смертный сон — утащить, унести, увлечь обманом неразумное дитя.

И трудно сказать — забавные эти песенки или страшные? Наверное, больше второе, потому что моделируют они всегда и везде страшное и опасное ‘пространство смерти’, к которому еще относится младенец, не успевший расстаться с миром мертвых (из которого совсем недавно явился в мир живых). Потому что, от него, мира мертвых, и нужно матери оберечь своего младенца, чтобы не забрали его обратно мертвые предки; ну, совсем по пословице: Бог дал, Бог и взял!

Впрочем, это уже совсем другая тема исследования. И поскольку наше издание рассчитано не только на специалистов в области фольклора и этносемантически, но и на широкого читателя, хочется надеяться, что нам удалось привлечь внимание к интереснейшим аспектам славянского фольклора, чтобы по-новому взглянуть на сюжеты и тексты, знакомые ему с детства, и — помочь взглянуть на них совсем другими глазами.

Белый лютый зверь — Лев и Рысь

Если читатель обратил внимание, то заметил, что, какой бы широкий сравнительно-языковой материал (говоры и диалекты русского языка) ни привлекался в предыдущих главах для **описания традиционных смыслов** славянских фольклоров, нигде мы не касались вопроса “заимствования” тех или других корней из других языков.

И это не только не случайно, но и составляет важный аспект описания традиционных смыслов семантического языка любого фольклора, поскольку каждый корень любого европейского языка восходит к общему (по крайней мере) индоевропейскому корню — что, вслед за Н. Я. Марром и Я. О. Якобсоном, широко подтвердили своим капитальным исследованием “Индоевропейский язык и индоевропейцы” Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов. Однако и этот большой труд можно — и должно — расценить как первые подступы к межъязыковому сравнительному материалу, довольно долго отставшему сторонниками так называемых “теории заимство-

вания”, “ориентальной теории (заимствования)” и др. подобными.

В сущности своей идея языковых заимствований и распространения корневых комплексов или фольклорных образов в результате торговых и межкультурных контактов есть не более, чем **мифологическое представление** о некоем культурно-языковом источнике (или нескольких источниках), из которого(ых) происходит заимствование. Не менее **мифологична** в своей основе и теория Марра — о некоем едином источнике-праязыке, от которого пошли всё и вся: таковым мог бы быть только мифический “адамов” язык, либо, в крайнем случае, “ноев” (если Адам выступает тотемным предком всех народов мира, а Ной — культурным героем и демиургом, устанавливающим на земле законы для будущих поколений, что, собственно говоря, соответствует истине при традиционном прочтении библейского текста).

Однако марровская теория, при всей мифологичности выдвинутой гипотезы, т.е. при соответствии гипотезы мифологическим, а значит традиционным представлениям о едином, космогоническом и динамическом начале всего сущего, — это научная теория, имеющая под собой (точнее — в своей основе) нечто вполне реальное, а именно: общечеловеческую **психофизическую модель сознания**, одной из реализаций которой является **система традиционной семантики фонем** (звуков, корней) — так же, при внимательном рассмотрении, общечеловеческая.

Так все люди земного шара имеют общие видовые, мифологические, психологические и проч. признаки, как все, к примеру, медведи или представители шакальего рода, вороньего или воробьиного (последнего, конечно, при специфическом понимании “психологии” как поведенческой модели ПТИЦЫ).

В то же время “слово” как таковое действительно может заимствоваться из смежной языковой культуры, но общность семантики корневого комплекса в двух соседних, и, возможно, неродственных языках — как, например, русский и финский или русский и тюркский, не будет при этом результатом “заимствования”, а реализацией общего межкультурного традиционного смысла, который (сделаем вывод на основании собственного многолетнего исследования) заключается в **согласных** звуках, расширяется сочетаниями с **сонорными** (которым, видимо, свойство некоей **качественной** маркировки фонетического, а затем лексического комплекса; **гласные** вносят в семантику некое динамическое начало, из чего, следуя традиционной модели мироощущения, предположителен вывод, что согласные реализуют в языках “пространственные” отношения, гласные — временное, а сонорные, спирантные и др. звуки отражают “внутреннюю подвижность” общей **модели мира** (в процессе ее развертывания и свертывания на разных этапах реализаций).

Общность традиционно-семантической наполненности фонетических комплексов в разных (в том числе и несхожих) языках и позволяет обычно говорить о “заимствованиях”, путает этимологический фон слова. Но

попытаемся от этого намеренно отвлечься и говорить только о фонетической и семантической общности метазнаков, в которых реализуется в конкретной (у нас — русской и славянской) традиции тот или иной знак мифологических представлений о системе мира. Столь же пространное предисловие нам понадобилось потому, что речь здесь пойдет о мифических существах славян, предельно сакрализованных из-за своего магического и 'страшного' для человека смысла в обрядах и культовой практике, а потому следы этих странных образов еле-еле различимы в фольклоре (в частности — в сказке) и в языке. Это — **лев** и **рысь**.

Издавна 'лев' в европейских и славянских фольклорах считался **ориентальным заимствованием**: животное экзотическое, хорошо известное в Древнем Риме, Элладе, а затем Византии и, конечно же, на Востоке, с которым велась постоянная торговля. Считается, что через Византию "лев" стал христианским символом, олицетворяющим одного из евангелистов. 'Львам' в фольклорных сборниках западных европейцев вообще дается упрощенно реалистическое объяснение: завезены для королевских зверинцев; или появились в сказке по аналогии с подобными текстами "Тысячи и одной ночи", т.е. опять-таки заимствованы с Востока.

Однако все это неубедительно как объяснение присутствия 'льва' в русских текстах, где он так же выступает 'царем всех зверей', 'вершащим суд' ("звериный" аналог 'орла — царя птиц'), то 'охраняющего вход в царство (мертвых)', то 'помогающего туда проникнуть' герою. Он даже исполняет функции 'птицы смерти' (*Мо-*

голь или *Гриб*'), выносящей юношу с того света (или заносящей туда) за множественные 'человеческие жертвы' - мясо, которое ей нужно, а ему приходится скормить ей в пути).

'Лев' в русской сказке может быть **оборотнем** (как волк или ворон); или **благодарным животным**; ему (царю потустороннего мира) **поднимают глаза** (веки — как Вию) **вилами**, чтобы он мог взглянуть на героя; 'львы' (пара или парами) **стерегут палаты змея** или **ворота царь-девицы**. 'Львица' также бывает **оборотнем**, а 'молоко львицы' **излечивает от болезней**, дает **прозрение** (т.е. возвращает с того света) и **молодость** (не в нем ли **кипящем** следует искупаться достойному жениху чудесной девы из мира смерти?) То же — 'звериное молоко'.

'Лев' относится к 'лютым зверям' (так называются кроме него **змеи, рысь, барс, медведь, волк**), т.е. к 'диким зверям'. Считается, что этимология этого слова неясна (а Гамкрелидзе и Иванов соотносят его в частности с древнегерманским корнем 'ew' — *вечность, вечный порядок, закон, вечный*).

Вспомним, что греческая **Артемида** ('хозяйка зверей' и аналог славянской 'девушки-смерти (с косами)', на другом же семантическом уровне — 'хозяйки кошек' и 'белой кошки') изображалась с **двумя львами**, охраняющими ее по обе стороны — **слева и справа**. 'Лев и львица' в любом фольклоре воспринимается как андрогинное **двуединство мужского и женского** (как **орел с орлицей, ворон с воронихой, медведь с медведицей** (реже) и **царь с царицей**).

'Лев' — дик, свиреп, могуч и справедлив, он рычит (львиный *рык* и львиный *рев*). Он страшен и обладает гривой.

'Лев (с гривой)', как и 'орел', есть одна из традиционных реализаций 'раскаленного полуденного солнца' (страшного жара, способного поразить = наказать). Такой 'орел' — возможно в точке, противоположной **зениту** — будет 'белым' (т.е. очень старым, мертвым первотпредком, царем мертвого, нечеловеческого птичьего — а лев звериного, царства).

Тем самым 'лев', очевидно, заключает — и совмещает — в себе два традиционных смысла: белый и лютый. Будучи 'белым' и 'царем мертвого (нечеловеческого) царства' он, видимо, и будет тем страшным 'львом, которому поднимают вилами глаза (веки; чтоб видел)'. Как 'мертвое очень старое' он слеп, т.е. трудно и редко выходит на ритуальный контакт с живыми. Ср. также в сказке: *белый ворон = мороз и корочун*.

Тем самым, в анализе русскоязычного материала фольклора и его европейских соответствий (в сказке) мы приходим к выводу, что 'лев' содержит в себе семантический комплекс общеевропейского корня 'al' (белый, старый / алый, в противоположность — яркий и лютый). Большой интерес представляет соотнесение данного традиционного смысла, реализованного в мета-знаке 'лев', с его семитскими фонетическими аналогами: **лаван, леван, ливан**.

Ср. также: соотнесенность греческой формы 'льва' (Lis и Lais) с древнееврейским корнем Lb' (Masson E. Recherches sur Les plas anciens semitiques en Grec,

Paris, 1967, p.85-87), а также с общесемитским корнем Labi — львица (Fronzoroli P.Studi sul Lessico Comune Semitico, vol. V, 1968, p.281) и египетским Labu. Ср. сербохорватское: лав, лавица, и европейские: лава (раскаленная = белая; от лат. Labor — падать) и лавина (снежная = белая глыба; падает внезапно сверху с горы).

При таком соотношении интересно будет также вспомнить следующее: **алабор** — порядок, **алаборить** — приводить в порядок (*тверск.*) и **безалаберный** (?); **аладья** (оладья) и **ладья**; **алажь**, **алашь** — очаг для варки; (*арханг.*); **алатырь** и **латырь** — белый камень; всем камням камень (мифическое 'начало жизни и сущего'; креативное); **албаст** и **лобастый** — домовой (*вятск.*); **албаста** и **лоласта** — русалка (*перм., вятск.*); **алкать** и **лакать**, **лакомый**; **алтарь** (и **алатырь**); а также **алтын** (старинная монета из тюркского, 'золото'; ср.: золотая львиная грива).

Соотношение типа **алатырь** — **латырь** и **алкать** — **лакать** мы вспомним, когда будем говорить о мифической **Арыси = рыси**.

Не будем задерживаться на языковом материале, знакомом или частично знакомом по предыдущим главам, обратим внимание только на присутствие во всех словах традиционных смыслов 'белый' и 'старый'.

“Порядок” — напомним — связан с 'предками' и 'животным-тотемом', “ладья” — с 'медведем = медведицей' (и является даже гербом старинного града **Кострома**), “кошачья порода” (к коей относится и лев) — 'камнем' (костью земли), с 'русалками' и 'домовыми', а также с домашним 'очагом' (ср.: место для варки — в

лодке); 'алчущими'⁷ и 'лакомыми' традиционно представляются 'дикие звери' (и 'кот', 'кошка' — как самые 'дикие' из близких человеку 'домашних'); 'блины' и 'о(а)ладьи' — с **масленой** (которая **не всегда выпадает коту**); "алтарем" у древних кочевых народов и др. всегда служили 'сложенные горкой камни или кости (черепа)' (культ давно умерших, т.е. "белых" предков, дедов); "алтын" (деньга и золотая деньга) — с сакральным родовым, 'мужской продуктивной силой рода, хранимой предками, умершими рода, на том свете' (ее надо добыть герою сказки для удачного брака и символом ее является что-либо **золотое** — *птица, волосы девы, ноги по колено* и проч.).

Однако просматривается в русскоязычной традиции и другое семантическое соответствие: ЛЕВ и ЛЕВЫЙ. Можно возразить, что "лев" как слово заимствованное и чуждое писать через Е, в то время как "левый", "лес", "леший" (подбор не случаен!) — через "ять". Однако в контексте реализаций традиционного смысла и фонетических — в первую очередь **согласных** — соответствий мы можем — и должны — рассмотреть также и эту семантическую связь-линию.

Так, в старославянском языке ЛЛВЪ (через «ять») — 'левый, 'изогнутый' (т.е. не прямой, хитрый, неправый и, может быть, даже лживый). То же — **лівий** в украинском и **левы** в белорусском.

---

⁷ В русском фольклоре имена 'Левон' и 'Левонтий' (от 'лев') даются ... 'волку' и традиционно значимы как 'алчный вор'.

В то же время традиционно семантическое противопоставление позиций 'левый' и 'правый' в пространственной 'модели мира' обращает наше внимание на то, что ПРАВЪ в старославянском будет значить не только 'правый', 'прямо' и 'невиновный', но также 'настоящий' и 'правильный'.

ПРАВДА и ПРАВО в древнерусском имели в числе значений такие, как 'суд' и 'тяжба'. В контексте традиционного противопоставления можно предположить, что 'левый = неправый суд' (или 'хитрый суд' как некая парадигма, где, в зависимости от функций льва в тексте, проявляется одно или другое: *царский суд = хитрый*, т.е. *мудрый*, а *скорый суд* (расправа) = *неправый*).

Интересно, что в диалектах "праведный" есть табуированное название 'лешего'. Тем самым 'лес', 'левый' (берег, сторона), 'леший' выстраиваются в семантическое поле 'потустороннего', 'нечеловеческого', 'несвоего' — больно "мудреного" для человека и живого существа, "хитрого". Ср. в сказке: *хитрое = магическое*, проявление сакрального знания *мира мертвых, нечеловеческого и страшного*.

Очевидно, всё это имеет отношение не только к 'льву', но и ко всем 'кошкам' (кошачьим, включая КОША Бессмертного) русской сказки.

Однако, при определенном — "кошачьем" — сходстве 'льва' и 'кота = кашея', а именно: соотношенность их с **центром ММ**, с **судьбою** и **роком**, с предком (очень старым, давно умершим, нечеловеческим) и **загробным миром**, при общей **лютости** и **молниеносности**, **силе**, **жестокости** и **непобедимости** (= бессмертности), они

семантически противопоставлены в двух, актуальных для **общей ММ**, параметрах:

а) первый относится к 'времени будущего', а второй — к 'времени настоящего'; и

б) первый — к 'диким зверям' (лесным, кровожадным; нечеловеческому), а второй — к 'домашним животным' (т.е. близким человеку).

Впрочем, отнесение 'кота' (и кашея) к близким человеку, 'домашним', весьма относительно, т.к. 'смерть **нельзя приручить**.

Тем самым 'кот' есть 'животное домашнее, но не ручное', поэтому в сказке он нередко **уходит в лес**, где претендует на **брак с лисой** (традиционно невозможный из-за ее **андрогинности**, т.е. **брак хитрый — обман-ный** и **фальшивый**); на **главенство над дикими зверями** (готов **вершить суд** — по аналогии со **львом-царем зверей**), требует **жертв** (мяса) и т.п. Одним словом, 'кот' (Кот Котонаевич, Котай Иванович, Котонайло Иванович — ср.: Михайло Иванович, Котофей Иванович; причем в каждом случае словообразование **имени** требует объяснения с точки зрения традиционных смыслов), выступает как **трикстерское подобие 'льва'**⁸.

---

⁸ Не следует при этом упускать из виду, что 'животное с именем' и особенно 'животное с именем-отчеством' — равно как и 'дикий зверь' — есть, по мифологическим представлениям древних руссов, не само 'божественное животное' или 'божественный зверь', а кто-то из его 'потомков', т.е. обладающий магической силой и сакральным в меньшей степени — только отчасти, а потому нечто более слабое, менее страшное, над чем можно **смеяться**, защищая себя смехом от 'смертельной опасности', которая все-таки от него исходит, во всяком случае, для смертного человека.

Так, 'лесные звери', выступающие в русской сказке как 'звери первотворения', имен не имеют. Но в текстах, соотнесенных с мифическим 'периодом установления мирового порядка' (= законов леса), они имеют **отчества**, причем часто 'Иванович' (медведь, волк и др.). Собственно, это уже **качественно другие** звери, чем 'звери первотворения', они — если можно так выразиться — “потомки” первых, и креативной силы в них поменьше. 'Иван' же в сказке всегда выступает как **носитель** и **наследник** 'мужской креативной силы'; и первый из сказочных 'иванов', очевидно, — 'коровий сын', т.е. 'сын (мифической) небесной коровы' (*лосихи* и *Большой Медведицы*?).

Само имя **Иван** (считается, что пришло в русский язык через греческий, из древнего, где значит “Б-г милует”), в русских сокращениях **Ваня** и **Ива**, фонетически близкое название **речного** дерева 'ива' (и 'ветла' многих, стимулирующих мужскую силу и многоплодность родового, календарных обрядах), значимого в традиции как 'женское родовое' (мертвое и влажное; женское дерево-тотем). В немецком, английском и др. имя **Иво** восходит к древнегерманскому *eibe* — “дерево тис”, “лук из тиса”, “стрелок из тисового лука” (проявление 'мужской креативной силы'). Заслуживает внимание и сопоставление этого имени с **Ивен**, восходящим, в частности, к древнееврейскому **Евен**, что значит 'камень'. Традиционно камень = ворон; камни = кости земли (адамовы?); а 'ворон' является тотемом — нечеловеческим предком, трикстером и демиургом, устанавливающим законы человеческого рода в любой традиции (и у европейцев; ср.: Ворон Воронович).

Котик-коток, серенький лобок, Кот-баюн и Люб / Нелюб

Наиболее 'близким человеку' из всех 'котов' русского и славянских фольклоров проявляет себя 'котик-коток, серенький лобок' детских **потешек** и **колыбельных** первого в жизни человека традиционного 'семи-летнего периода жизни' (этот период — **пестование дитяти**, когда **юное** принадлежит еще более **старому** = **мертвому родовому**, чем **живому**, и соприкасается все еще с **сакральным родовым!**, хранимым **мертвыми рода**, а потому обладающее магическим "недетским" знанием, которым проникнуты песенки для детей, игры и прибаутки!; одновременно это — период обучения дитяти (познание мира — постепенное и поэтапное, под руководством стариков-учителей.

Здесь мы встречаем параллельно "придет серенький волчок" — "хватит за бочок" и "серенький коток". Здесь 'коток' и 'кошечка' (с **печурками, лавочками**, хождениями за лапочку, **сапожками — красными**, и проч.) создают "недетское" эротическое поле сексуальности — добрачных игр молодежи и медового месяца молодоженов.

'Серенький лобок' (в противоположность 'медному лбу' и мертвому 'лубу', если вспомнить 'избу' такого же **серенького, длинноухого** и эротического 'заиньки', традиционно значимого как 'мужское незрелое, иницируемое женским') дает ряд традиционно эротиче-

ских символов: кошачий и вообще — мех (женское для мужского): “Ночью все кошки серы” — обычно более о женском, молодом и опытном; сила мужского — деструктивная (по отношению к женскому), креативная и потенциально продуктивная.

В то же время в детском фольклоре 'котик' представляет **опасность для ребенка**, особенно **спящего**: он 'баюн', 'угомон', т.е. 'сон' и 'несущее сон', который может обернуться и 'сном смертным'. Отсюда наглядно сопоставим материал: название трав, возбуждающих, по поверьям, сексуальность и мужскую активность. Причем одни и те же растения имеют сразу оба, а то и более подобных названий; с 'котом' же связаны и растения одурманивающие, лишаящие разума, усыпляющие и ядовитые (в частности, **дурман**).

Они имеют много названий, связанных с 'котом' и 'любом'⁹ (любовью).

---

⁹ В книге Е. Грушко, Ю. Медведев “Словарь славянской мифологии” (Н.-Новгород, 1995, с. 187-188) находим следующую информацию, к сожалению, без указания точного источника с описанием “тайных обрядов”:

“ЛЮБ — дух-охранитель брачного ложа. Представляется большеухим, мохнатым, золотавласым котом со стеблем стрелолистника в зубах. Люба следовало всячески ублажать, чтобы он отгонял от спальни НЕЛЮБА — такого же кота, только черного и злобного, с веткой белены во рту. Можно предположить, что обряд, когда наутро после свадьбы родственники и свойственники показывали простыню новобрачных, был посвящен именно Любу. Кое-где до сих пор перед свадьбой пекут **любки** — овальные лепешки-**лады** из пышного теста. В центре такой лепешки, олицетворяющей девичье лоно, запекается, но уже из ржаного теста, **подобие толстого, мясистого гриба-красноголовика** (подосиновика), но **головкой вниз**. Такой **любок** ставится в укромное место близ постели новобрачных, дабы им мог насыщаться Люб. Вообще, обряды, связанные с Любом, слишком потаённые и сокровенные, чтобы их описывать в подробностях”.

С ними же очевидно связаны тайные мифические существа брачного союза – 'Люб' и 'Нелюб'. Именно с представлениями о 'Нелюбе' связаны пословицы и приметы о 'черной кошке'. См. также: Живут как кошка с собакой; насильно люб (мил) не будешь; Стерпится – слюбится (Перемелется – мука будет¹⁰) и т.д.

Однако следует говорить, по-видимому, о двух мифических существах **женского** рода: 'Люба' и 'Нелюба', — что, возможно, точнее. Обратим внимание при этом на традиционную семантическую оппозицию 'любый' / 'лютый'. В традиции ЛЮБЫЙ противопоставлено ЛЮТЫЙ, сто подтверждает предположение: 'любый / лютый зверь' = 'кошка / (кот)', или: 'лютый = кот', а 'любый (-ая) = кошка'. Ср. также в сказке Афанасьева № 316: 'Бархат царь' (= кот¹¹) похищает девственность двух сестер, а третьей удается его обмануть (не функции ли Люба - Нелюба?). В Европе фрагмент этого сюжета — сказка о 'Фанта-Гиро' и 'трех тронах' царя-отца.

'Серый' цвет как результат **смещения** 'белого' и 'черного', дающий 'нечистое' (стыдное, тайное, неяс-

Тем самым, заметим от себя, 'демонстрация полотна' (простыни, дефлорации молодой) обряд поздний, т.к. традиционно были повсеместно распространены добрачные эротические игры молодежи, составление предварительных (проверочных) добрачных пар (ср. также: девушка в тайном мужском доме — мотив сказки). Материал словарной статьи проясняет смысл поговорки: Как кошка (между молодыми, супругами) пробежала! Нередко 'черная'.

¹⁰ Знакомый мотив, связывающий представления о **кошке**, **мельнице** и **мельничном омуте**, где **черти** водятся (или драчливые **кошки**, что по ночам колотят посуду в доме и никому не дают покоя).

¹¹ Так же, как, например, в сказках испанской традиции.

ное), традиционно есть одно из проявлений **северной точки ММ** (еще не **мертвый**, не совсем мертвый) и **восточной точки ММ** (еще не белый, не чистый, не полностью инициированный, не совсем посвященный в родовое сакральное).

Таковы 'зайка' и 'коток' **потешек и игр** (эротическая символика добрых взаимоотношений юношей и девушек). Тем самым противопоставленность 'серый' (зайка, котик, уточка) / 'белый' (зайка, кошечка, уточка) значима как **внутри** модели **востока**, так и внутри модели **севера**, однако в разных **точках ММ** она по-разному традиционно наполнена.

Рысь, белая кошка, – таинственная Зевания или Кощей?

Итак, 'белое' (чистое, мертвое, сверкающее, посвященное) и 'белоглазое' (незрячее, мертвое, не видящее в мире живых, слепое) принадлежат **точке центра ММ**. Как '(белый лютый зверь) лев' сходен с 'судом' и 'Вием' славян, так 'белая кошка' (хозяйка кошек и древняя Зевана) есть двуединство '(нечеловеческого) начала жизни' и 'ненасытной смерти' — *рвущей, ядущей, заглатывающей* и *подкарауливающей* все живое на каждом шагу (изначально — в лесе). Кто же она, эта таинственная 'хозяйка лесов', настолько страшная, что ее имя старались, очевидно, **никогда не называть**, и чьи следы в славянских (и русском) фольклорах сегодня еле-еле различимы и смутны?

По А. Г. Преображенскому, таким 'белым зверем', исходя из этимологии, является 'рысь' (животное названо по блеску глаз или же по блестящей шерсти: индоевропейский корень **Leuk* — "светить", "блестеть", ср.: *rusant* — "светлый", "белый"). Первоначально 'лысь' (традиционно 'лысый' = 'страшное мертвое', 'лишенное силы жизни' ср.: 'лысуха' — 'водяная курица').

Если исходить, что 'рысь' названа по цвету шерсти, 'рыжий', то она восходит к индоевропейским корням, означающих "красный" и "быть красным" (*rusy* и **rudh-*). Возможно, что в контексте традиционной семантики

фонетических комплексов это не взаимоисключается, а дополняет друг друга в парадигме мёртвое (конец жизни) и 'белое' /(//) 'живое' (зачатие, начало жизни) и 'красное'. Тем самым это не противоречит, а напротив — подтверждает мнение А. А. Потебни, соотносившее 'рысь' со санскритским корнем *Rkasas* — 'медведь'. Ср. также: днепровский **прящур** 'Русь', 'русый', 'русы'.

Фонетически 'рысь' сближается с 'барсом' (нередко эфемистически называемым в разных традициях, как и 'тигр', просто 'убийцей') и старославянским БЫРСЬ — 'гиена', т.е. 'поедающая падаль, мертвечину'. Будучи 'лютым зверем', 'рысь' выполняет в восточнославянских княжеских погребальных обрядах роль 'большой хищной кошки' (у европейцев): было принято приносить в жертву **'когти рыси или медведя'** — не 'Зевонии' ли (*хозяйке кошек? медведице? кошке-рыси? зверю-убийцу?*).

Однако мнение Гамкрелидзе и Иванова о появлении 'рыси' только за неимением у европейцев 'леопарда' (барса), стоящего на более высокой "иерархической ступени обряда", не оправдано, т.к. следы культа **рыси** очевидны в славянской, балтийской ('шкурки рыси' в песни латышей), сибирской традиции, хотя и слишком сакрализованы для свободного их "прочтения". Из этого можно также предположить, что 'белая кошка (кошечка)' европейских фольклоров — следы её же.

'Рысь' проявляет не только семантические связи с 'рык' и 'рыть' (*когтями? драть?*), и с 'конём' (рысь, рысак: "конь цвета рыси" у латышей), 'волком' (*котом?* — рыскать; последнее относится и к 'лисе', корень кото-

рой восходит в отдельных традициях индоевропейцев к 'дикой кошке' и к 'убийце скота'). С "рысью" связаны у славян представления о **колесе водяной мельницы** (лопаста?), **беге взапуски** (ристалище; ристать — носиться, бегать, скакать; быстрый, проворный ? *риск, рисковать*).

Ср.: **рыскнуть, рыскну**, т.е. рискнуть, риск.

Рыскать (*волжск.*) — плыть по течению, по воде, водой (*Русь и русалка?*).

Рыск зверя (первоначально рыси?) — бег и путь бега; нарыск, след, малик.

Рыск судна (*морск.*) — порывы носом *к ветру*; спуск по течению (*волжск.*).

Рысковой якорь (ср.: *кошка* и т.п.).

Рыскун — он же.

Рыскун — вереск, растение.

Рыскучие гончие — неутомимые.

Рыск (у охотников) — несколько свор гончих, при одном охотнике (т.е. большая сила для гона зверя).

Рысь (от *ристать*) — бежать.

Рыскало — веревка, проходящая через (сквозь) кольцо; на ней бегают цепная собака, или кольцо, на которых ходит занавес по пруту.

Итак, 'рысь' традиционно связана

а) с 'ветром' (и, как потом убедимся, 'полем', а в сказке 'кот' равен 'ветру'),

б) с 'водой' (камышовая кошка и кошка на мельнице, от мышей;

в) может представляться как *дочь водяного змея* — о чем свидетельствует и ее пестрота), а потому

г) связана с 'хватанием' и 'разрыванием' (= дикость, лютость; мифическое существо, требующее жертв, восполняющих ее деструктивную силу смерти),

д) с 'сухой травой' (в контексте всего семантического комплекса — 'движение по ветру' и 'рысканье по полю', 'свободный бег' — она должна также быть прямо соотнесена с колючим, цепким, бегучим по полю и сухим кустом 'перекати-поле'), а также

е) с 'утаскиванием на дно' и 'достижением цели' (= коварство и непобедимость).

Как древнее олицетворение 'смерти' (дикой кошки) и 'хозяйки смертей' (Зевонии?), а также 'мертвое (родовое, но дочеловеческое)', 'тотемное', 'рысь' (кровожадная, быстрая и хваткая кошка; пестрая; с белыми = горящими огнем глазами), распространенная везде — в дремучих лесах славянских земель, в Европе и в Сибири, неизбежно представлялась нашим предкам 'страшным лесным божеством (= лютым зверем)'.

Гибкая, бесшумно возникающая и исчезающая, молниеносная, в пестрой блестящей (= белой?) шкуре, 'змееподобная' по мудрости и хитрости, она естественно ассоциировалась со 'змеихой' (дочерью = женою мифического Коша: Кощеевна).

Однако, будучи 'молниеносной (внезапной и "несвоею") смертью' для лесного зверя, скотины или человека, она ассоциировалась и с самой страшной персонификацией самой 'смерти' — мифической 'девушкой с косами' (чему, возможно, способствовали также кисточки на ушах рыси). А мы уже видели, что 'кощеевна' и 'дева с косами', 'Василиса, дочь Василиска' есть равноуровне-

вые реализации на языке фольклора одного и того же семантического смысла — разве что с разными оттенками и временными актуализациями.

Отсюда выводим следующие семантические соответствия в русском языке и фольклоре:

1. *Рысь* (своя) — уменье и удаль (молодецкая?), т.е. сакральное знание мертвых предков и мужская сила, обеспечивающая продолжение рода; хитрость и изворотливость; посвященность и знание магии.

2. *Рысь* — прыть, т.е. молниеносность, опасная спешка, большой риск.

3. *Рысь* пестра снаружи, а человек внутри. О двойственности (в том числе — двоедушии, оборотничестве и связи живого и мертвого), змеином (кошачьем) начале; недобром, лживом, ненадежном; опасном, страшном, нечистом и злобном.

4. Замечание Вл. Даля: “У всех славян и местами у нас в народе *рысь* мужского рода”.

А потому можно предположить и существование древней персонификации *рыся* как деструктивной силы мужского рода. Скорее всего, это и есть известный нам *кащей* (*кощей*) восточнославянской сказки, с его *белыми костями* (иссушенным ветрами скелетом).

Так же, как ‘мышь’, что традиционно свидетельствует об отношении к **центру ММ** и ‘самой смерти’, соединяющей в себе ‘мужское’ и ‘женское’, двуединство ‘начала и конца жизни’, а также об андрогинности мифического существа ‘несвоей смерти’, одной из персонификаций которого является ‘девушка с косами’ (рав-

но как 'лис(а)', 'кош(ка)' 'мыш(ка)', 'кур(ка)' или 'кур(ва)' и т.п.).

5. *Рысьи* глаза — острое зрение, т.е. умение видеть невидимое, традиционно приписываемое только 'мертвому', а также 'посвященным смертью' (магам, выходцам с того света, ведьмам, упырям, колдунам, нечисти, черту и проч.). Ср.: **стоокий Аргус**¹² у греков. 'Белые глаза' мертвеца, яги, старца и слепца.

6. По Далю, у чухонцев *рысьи* шапки. Либо это знак 'отмеченность рысьим' (убить и съесть 'зверя-бога' необходимо, чтобы приобрести его свойства — силу, ловкость, острый глаз, непобедимость), либо знак 'принад-

---

¹² Или Аргос, страж *царства мёртвых*; в греческом языке соотносится со следующим семантическим рядом: блестящий, белый, серебристый; быстрый (эпитет Нота — *южного ветра*, позднее название северо-западного ветра; белый, проясняющий небо); быть праздным; (*напр.*, земля невозделываемая); белый, блестящий (о *стреле* Аполлона; *свете?*); бросающий светлую молнию (о Зевсе); а также: белозубый; быстроногий, начатки жертвоприношения (то, что отрезается от жертвенного животного и посвящается богам); белый, блестящий, лоснящийся; быстрый, проворный и быстроногий (ср.: "Арго" — название быстрого и лёгкого морского корабля); ленивый. Ошутима также связь с **серебром, деньгами** (*сбором и меной*), **землёй, содержащей серебро**. Ср. также: сереброногий, серебролукий, кованный из серебра. У славян, в частности, серебряные украшения соотносятся с ритуальными праздниками **мая** и **июня** (*русалии, Никола-вешний и купала*).

В таком контексте 'аргус' прямо соотносится с мифической (им) 'рысью (рысем)', а 'стоокость' с её 'пятнистой шкурой'; отсюда же и 'свирепость'. Если соотнести 'Аргуса' с 'брысью' (*брысем = гиеной*), то прозрачной становится и семантика христианской "геенны огненной" (вспомним: *белые = сверкающие = огненные глаза рыси*). Кстати, рысь традиционно представлялась как животное, среднее между собакой и кошкой, т.е. некий мифический 'пёс = кот' (не отсюда ли и 'псеглавцы', жители страны дальней — *восточной и мёртвой?*).

лежности рысьему (роду?)', либо знак 'защищенности рысью', где 'шапка' выступает как оберег.

И в любом случае — то знак 'мужской силы' владельца шапки из рыси, что сродни древней магической формуле приветствия, во всех традициях когда-то звучавшей приблизительно так: мать принадлежит мне, или: я овладел матерью (рода), в функциях *оберега*, демонстрации мужской силы и взаимного родства (равенство или подчинения).

7. Созвездие *Рысь*. На древней мифологической карте северного полушария неба **вверху** (ближе к **северу** и созвездию Дракон, **центру неба**) расположены Большая и Малая Медведицы, **ниже** (к **югу**) — Малый и Большой Львы, **сзади** них (к **западу**) — два Пса (свора), а **впереди** (к **востоку**) — одна Рысь. Поскольку все мифические существа **удвоены** (являя собой парадигмы традиционных смыслов), то 'рысь' (равно как и 'дракон?'), будучи **единственной** (и кстати белой — по изображению, как и 'малый лев') являет собой существо андрогинное.

Но наиболее сложными и интересными оказываются традиционные связи 'рыси' с 'конём' и 'ристалищем' (юношескими соревнованиями в силе, ловкости, выносливости в седле, смелости). Такие "мужские игры" у славян и руссов были приурочены к Николе-вешнему, а именно к 9 и 10 мая.

Игры эти были, с одной стороны, завершением 'никольщины' и предшествующим ей (начиная с Егория-Вешнего, 23 апреля) поминальным циклом, знаками которого являются 'контакт с мёртвыми', 'еда и питьё на

родительских могилах', 'катание яиц' (в том числе — красных; через могилу; поглаживание коней, чтобы гладкими были', битье яйцо о яйцо, или о лоб — проверка мужской силы мальчиков; сюда же, видно, следует отнести и отлучение дитя от материнской груди — катанием яйца от постели к порогу), 'яишницы' и 'один блин через сорок могил' (Ср. анализ приведенной выше русской скороговорки: *Шли сорок мышей, несли сорок грошей...*; эти обряды, связанные с мартовской поминальной неделей, 'радуницей', должны иметь также соотвествия и в 'фомину неделю').

'Состязание юношей на конях' (а в некоторых, например, восточных, азиатских традициях — и девушек), с другой стороны, были началом сезона так называемых "добрачных игр молодежи" (с ярко выраженной сексуальной семантикой и тенденцией к составлению будущих брачных пар, проверки их на *истинность* / *ложность*). Поэтому все мужские (юношеские) игры, связанные с Николой-вешним, имеют сексуально-эротическую символику.

Очевидно, с ними должно соотносить и тексты сказки, где женихам недостижимой 'царевны' (в башне, верхнем окне терема; на хрустальной или стеклянной горе — у западных славян и европейцев; царевны-рыси?) предлагается **конное ристалище**: допрыгнуть на коне до окна, продеть что-либо в кольцо, или добыть кольцо, платок, яблоко (или прострелить), поцеловать принцессу, и проч.

Другими текстами, связанными с испытанием женихов 'царевны, сверкающей как жар в ночи', будут те, в

которых братьям, по очереди, приходится караулить 'поле' (а в нем, традиционно, возможна встреча с '(а)рысью', 'могилу отца' (поминальный мотив), 'яблоно' — от 'чудо-коней' или 'чудо-птиц' (фольклорное единство 'конь' = 'птица'; и 'конь' = "рысак", "цвета рыси", "чубары" и конь и рысь).

Последние соотносимы с обычаем 10 мая уходить 'в ночное' (стеречь коней), где юноши и мальчики рассказывают друг другу "страшные истории" (про нечистую силу и проч.), традиционно "хвастая" своим 'знанием сакрального' (изворотливостью, храбростью, выдумкой и т.п.).

Характерно, что, начиная с этого дня, все 'страшные дни' и обряды мая юноши и девушки проводят врозь — за исключением игр, хороводов и совместных обрядов, для которых преднамеренно сходятся на открытых ("нейтральных") пространствах (на лугу; опушке, берегу реки, за околицей). По совершению совместных ритуальных действий группы (мужская и женская) снова расходятся. Однако существуют различные — внутри-обрядовые обычаи, позволяющие молодежи разбиваться на пары и уединяться парами.

Однако 'жениться' в мае обычаями запрещено, т.е. 'нечистые духи вод и леса' (русалки, мав(к)и; полевые и воздушные девы, наверное, так же) примут участие в такой "несвоевременной свадьбе", а потому молодым не будет добра: в мае жениться, век маяться. Это — "нечистый брак" (или — "брак с нечистью", русалкой, мавкой, т.е. с болотными и лесными **кошкой** и **рысью**, это — "брак с мертвецом").

Многие игры и состязания, а также обряды (напр., обмен кольцами; завивание венков, т.е. зеленых колец, надевание их на ветки деревьев, пускание по воде и проч.) связаны в мае с 'кольцом' (символ девичества, женского для мужского), 'продеванием' и 'простреливанием' (символические 'проявление мужской силы, деструктивной в отношении женского непосвященного' и дефлорации), и 'вервью' (вервиею, веревочкою — в играх, хороводах, песнях, плетении и развешивании зеленых гирлянд и проч.). Вспомним *рыскало* (веревка сквозь кольцо и кольцо на пруту)!

Как видим, многие моменты майского ритуала восходят к старинному и таинственному культу 'кошки = рыси' (хозяйке кошек и Зевонии-деве).

Остается добавить, что 'веревочка' (плетка-плетенка, девичья коса — в которую должно вплетать алую ленту жизни) есть традиционная реализация мифологических представлений о 'бесконечности рода человеческого' (ср.: нить — жизни; холст — пространство мертвого родового; скатерть — мертвое своего рода, поэтому покойника напутствуют выражением "Скатертью дорожка!", а 'скатерть-самобранка' всегда выручит, и накормит, и напоит в дороге).

Плетение косы в три пасмы значимо как 'переплетение прошлого, настоящего и будущего'; кольцо на веревочке (частый элемент игр) должно символизировать 'бесконечность продолжения рода из поколения в поколение — благодаря женскому продуктивному' (вагинальная символика; женское чрево во браке, плодное и

многоплодное: горшок с кашей; опара в квашне; пирожок с начинкой; пышные пироги, хлеба и т.д.).

Арысь-поле русской сказки

Но есть ли в русском фольклоре непосредственное упоминание о мифической 'деве = рыси', в честь которой, как утверждает наше исследование, творились майские обряды? Есть. Это, в частности, текст Афанасьевского сборника сказок № 266 "Арысь-поле". Поскольку сказка короткая, приведем ее целиком:

*"У старика была дочь красавица, жил он с ней тихо и мирно, пока не женился на другой бабе, а та баба была злая ведьма. Не влюбила она падчерицу, пристала к старику: "Прогони ее из дому, чтоб я ее и в глаза не видала". Старик взял да и выдал свою дочку за хорошего человека; живет она с мужем да радуется и родила ему мальчика. А ведьма еще пуще злится, зависть ей покоя не дает; улучила она время, обратила свою падчерицу зверем **Арысь-поле** и выгнала в дремучий лес, а в падчерицыно платье нарядила свою родную дочь и подставила ее вместо настоящей жены. Так все хитро сделала, что ни муж, ни люди — никто обмана не видит. Только старая мамка и смекнула, а сказать боится. С того самого дня, как только ребенок проголодается, мамка несет его к лесу и запоет:*

*Арысь-поле! Дитя кричит,
Дитя кричит, пить-есть хочет.*

Арысь-поле прибежит, сбросит свою шкурку под колоду, возьмет мальчика, накормит; после наденет

опять *шкурку* и *уйдет в лес*. “Куда это мамка с ребенком ходит?” — думает *отец*. Стал за нею приглядывать; увидал, как *Арысь-поле прибежала*, сбросила с себя *шкурку* и стала кормить малютку. Он *подкрался из-за кустов*, схватил *шкурку* и спалил ее. “Ах, что-то дымом пахнет; никак моя *шкурка горит!*” — говорит *Арысь-поле*. “Нет, — отвечает мамка, — это, верно, *дровосеки лес подожгли*”. *Шкурка сгорела, Арысь-поле приняла прежний вид* и рассказала все своему *мужу*. Тотчас собрались люди, схватили ведьму и сожгли ее вместе с дочерью”. (*Курсив наш*).

’Старик’ традиционно ’старое = мертвое’ (ср.: кощей), однако ’неутомимый’ и ’алчущий’ по отношению к ’женскому. Отсюда ’поздняя женитьба’ (на бабе-ведьме) и смытые отзвуки прошлого инцеста: дочь (и жена) = ка(о)щеевна, змеиха. На последнее указывает ’оборотничество’ (мудрость), ’пестрая шкурка’, которую можно ’сбрасывать / надевать’, т.е. все признаки мифической ’рыси = ка(о)щеевны’: прибегает из темного леса, уходит в лес (= в мир мертвых); связь с ’полем’ (ищи ветра в поле!) дает еще одну традиционную ассоциацию — ’полеванье’, т.е. ’охота в поле’.

Мотив ’линька (змеи)’ (смена кожи, шкуры) связан с представлениями об инициации — в данном случае **женской**. ’Переодевание (в чужое платье)’ значимо как ’присваивание чужого, несвоего’, ’делание видимого невидимым’, ’люди слепнут’ (не видят явного — обман глаз). ’Дом’ как ’тело’ и вместилище ’души’ (вытесне-

ние души из тела — обычно в страшные дни, напр., в 'святки', а 'русалья неделя' есть 'зеленые святки' и 'задушные поминки', т.е. свободное перемещение в 'пространстве живых' 'мертвых неуспокоенных, ищущих тела, в которое могла бы вселиться блуждающая душа'; например — 'блуждающие души = утопленницы-русалки'?).

То, что 'Арысь-поле' (**рысь** и **змеиха** = дочь **Руся**?) может быть 'вытеснена из дома = тела' некоей 'бабой-ведьмой', свидетельствует о том, что данный текст сказки моделирует не 'время сотворения мира' (где рысь была бы хозяйкой кошек, т.е. русалок), а 'время сотворения сущего' (где Арысь уже не сама рысь = ка(о)щеевна, а ее потомок, который может быть вытеснен из тела — очевидно, русалкою). Об этом свидетельствует еще и следующее: 'Арысь' прячет 'снятую шкурку' под 'колодою' (т.е. в гробу, из которого выходит кормить ребенка); отец сам выдает замуж дочь — "за хорошего человека", т.е. нет мотива похищения 'отмеченной невесты = девы с того света' (поэтому Арысь **можно** убить).

В то же время рожденный мальчик остается 'сыном рыси', т.е. будет обладать магической силой, хотя и в меньшей степени, чем обладает 'сын ка(о)щеевны-рыси, хозяйки зверей и кошек'.

Ведьма 'обращает в зверя' (чудесным прутиком?), т.е. 'лишает силы жизни' (делает мертвым = камнем; ср. аналогичный мотив у словаков': старуха в мертвом лесу прикосновением орехового прутика обращает в камень половину четырех близнецных пар — юношу, льва,

медведя и волка). “Подкрадывается из-за кустов, хватает и сжигает шкурку” в тексте не ’муж-человек’, а ’отец-маг’: упоминание “отца” нельзя понимать как “муж — отец малютки”, т.к. в сакральном тексте каждое слово имеет только один, определенный — традиционный смысл, и случайные подмены, “обмолвки”, исключены.

Поэтому, несмотря на то, что сам Афанасьев ставит “Арысь-поле” в один ряд со сказками о “Царевне-лягушке” и сходство между ними очевидно, сам же он обособляет данный сюжет из-за ’мачехи и падчерицы’, ’отец сжигает шкурку’, ’мамка открывает обман’ и др., качественно иных, чем в “Царевне-лягушке”, мотивов.

Мифическая ’Арысь-поле’, по другим источникам, ’быстрая, как ветер (дочь Вихря и сама ветер?); ’предводительница звериной стаи’ (=хозяйка зверей; хозяйка кошек); ’только три ночи обращается в женщину, а затем должна убежать за тридевять земель’ (вариант, а точнее — текст другой сказки, сопоставимый уже с ’царевной-лягушкой’, хотя тоже не во всем; здесь ее освобождает от чар не отец, а муж, при помощи ’ведьминого прутика’). ’Арысь’ не сбрасывает шкурку, а ’перекидывается через голову’, т.е. она сама — ’женщина = кошка’ (оборотень и ведьма). Или — сама ’ка(о)щевна’.

Очень интересны для традиционного осмысления текста сказки два момента:

1) “Ах, что-то дымом пахнет, никак моя шкурка горит!”

2) “... это, верно, дровосеки лес подожгли”.

При сопоставлении фонетических комплексов типа *Рось* (река) — *рысь*, *дом* — *дым*, *поле* — *пыль*, и др., —

не будем усложнять и без того сложный текст дополнительным материалом, непосредственно к теме не относящимся, — оказывается, в частности, что **Ы** (фонетическая замена на **Ы**) семантически значима как обращение в 'мертвое', 'лишенное силы жизни', 'невидимое' и потенциально опасное. Тем самым — оно как бы “пахнет смертью” (предстоит расстаться со шкуркой = домом и телом); однако это 'несвое тело' и 'временное' (пристанище блуждающей без тела души; чужая одежда). Поэтому 'линялую (старую = мертвую) шкурку' надо предать огню и забвению.

'Дровосеки' не только в русской, но и в общей для европейцев традиции всегда есть операторы или 'проводники смерти', мифические существа 'периода установления мирового порядка' (дочеловеческого времени — времени великанов-андрогинов, типа Дуни-тонкопряхи'), вырубаящие лес. А 'лес' есть 'пространство мертвого человеческого', общего для всех людей и родов, племен, способный к самопродуцированию 'мужской силы' (вырастание новых деревьев, дубов, ельничка и др.) и содержащий в себе потенциальную 'силу жизни' (огонь, возгорающийся в очаге от дров и поленьев — креативная и эротическая символика 'поддерживания огня' и 'приготовления пищи' как функции мужского и женского).

Необычное для 'дровосеков' “поджигание леса” значимо как внезапное (от сгорания шкурки **змеи** = **рыси**) возрождение 'силы жизни' (в женском родовом, т.е. в самой 'Арыси').

Имя же **Арысь** образовано по знаковому принципу: а + лад(ки), а + латырь (камень), а + л(а)кать, а + л(а)тын (алтын и латунь?) и др.

Интересна соотнесенность имени с тюркским *arsan* (лев) и даже древнееврейским *arīa* (лев). В *русских диалектах* можжевельник, он же степной вереск (арысь-поле?) называется “арца”, “арса”, “арча”, другой вид его — “артыш” и “ардыш”, “аршан”. Корень ’арч’ семантически связан с понятиями о “езде на верховых животных” (конях, оленях).

Очень заманчиво смотрится в этом фоно-семантическом ряду “арьян” — у *оренбургцев* и *украинцев* “квашеное молоко с водою; молочный квас” (не ’звериное ли молоко’ ’молоко рыси (львицы, белой кошки)’), что, впрочем, не исключает его этимологического родства с *тюркским* “айран”).

В тот же самый ряд, как материал для размышления, мы занесем *пермское* “арт” — толк, лад, смысл, уменьье (ср.: покажи-ка свою рысь!). И “артачиться” (о лошади), образованное а + ртачиться (от рот? возможно; однако все равно противоположное по смыслу *арту* = *ладу* и *рыси*).

И еще два слова: “аред” — древний старик, старый скряга, ворчун, злой волшебник; т.е. ’змей’ и ’кощей’ (*донск.* и *олонецк.*); “аредь” — зуд, сыпь, чесотка (как когтями дерет?), прогоняется эта напасть магической формулой: “Рассыпья аредом, да не доставайся скаредам”, т.е. “рассыпья как скелет = кощей”, “не накапливайся скаредно у того, кто болен”.

“Аруд” — загром, сусек (в амбаре), у *белорусов*.

Возможно, стоят упоминания в нашем сопоставительном ряду также “аршан” — ключ хорошей воды, пресный родник (*иркутск.*) и “арык” — оросительный канал; борозда, ров, канава; линия, трещина (царапина?), *тюркское*. “Арясина” и “орясина” — длинный прут, хворостина.

Неясное этимологическое слово. Не мифологическое ли — ‘ореховый прутик’ старухи-смерти, превращающийся в ‘камень’ или в зверя (рысь)? Ср.: “арешник” — камешек, голыш, обкатанный волнами (*беломорское*) и растение “орешник”, из коего чудесный ‘прутик’ (темное растение славян и европейцев, андрогин; стимулирующее плодовитость: ‘катать, щелкать орешки’ на молодежных посиделках и в играх).

Кстати, традиционна связь ‘рысь’ — ‘кусты’ (не орешника ли, “а + рысника?) в одном из семантических проявлений-функций фольклора.

И наконец заключим главу еще одним неожиданным сопоставлением: именно в ходе проработки традиционного смысла ‘рысь’ и ее семантических соответствий в славянских и русском фольклорах, неожиданно возникла отгадка на давно не дававший покоя вопрос: **почему в ‘русалью неделю’ девушки ‘крестят кукушку’?**

‘Кукушка’ есть ‘мертвое родовое’, обреченное три года (т.е. три жизни в смерти) находиться в лесе, т.е. в пространстве мертвого общечеловеческого, внеродового’. И именно с ‘кукушкой’ в ‘страшную русалью неделю’ (зеленые святки; помин всех умерших несвоею смертью), девушки стремятся ‘покумиться’ (= породниться), т.е. как бы сделаться ‘сестрицами самой смер-

ти' (или русалки, рыси?), 'девушки с косами'¹³ в качестве самого надежного **оберега** от этой **смерти** (девы, кукушки, кошки-русалки).

'Кукушки = кошки'? Именно! Но 'кошки' — 'рыси', ведь **кукушка пестрая птица** (рябая, пятнистая = белая, давно умершая; дева из царства смерти; и никого у нее нет из родных — как у кощеевны; она, возможно, андрогин). "Кукушкою" называют также особо повязанный платок (косынку), поддерживающую, чтобы не отвисла, челюсть у покойника. Два угла платка "кукушкой повязанного" мало напоминают птицу кукушку, более — торчащие уши рыси.

Ритуальные манипуляции девушки производят над 'чучелом кукушки' (тряпичной куклой) или растением 'кукушка', 'кукушкины слезки' (сверкающие?) и др. полевыми орхидеями (растениями эротической символики). Само название "орхиз" созвучно 'льву-арсану' и 'арыси-полю' (не она ли и растение 'кукушка' и ее 'слезки' особенно?). Последние называются также 'змеевик'. Значимы также в обрядах девушек растения 'кукушкин лен' и 'кукушкины сапожки' (не символ ли — *по колено в серебре?*).

Есть еще одна 'кукушка' — трилистник или белоголовка. Возможно, и его может держать во рту мифический 'Люб' русской свадьбы — 'серый коток' (лобок)?

---

¹³ Связь 'кукушки = рыси' с мифической 'Зеваной' (Зевонией) объясняет отчасти древнее название птицы — 'зозуля', 'зегзица', 'зозоля', сохраненное в украинском языке. Однако эта версия, в свою очередь, требует подробного дополнительного анализа, для наглядности доказательного материала.

'Трилистник', по своей фаллической символике, ему вполне подходит.

Кот, мышь и крыса славянских фольклоров

Фольклорно-мифологическое мироощущение, исходное для любой национальной традиции, в своей архаике всегда моделирует мир в соответствии с древними представлениями о мифической 'модели мира' и по ее законам. Объемность этой модели традиционно составляют

1) 'ось мифического времени' (как осевая триада 'прошлое' /(/) 'настоящее' /(/) 'будущее', известная нам также как 'древо мира') и

2) 'плоскость мифического пространства' (ориентированного на четыре стороны света).

Сторонам света пространственной модели мира при этом соответствуют ее точки 'север' (царство яги), 'восток' (серебряное царство), 'юг' (золотое царство) и 'запад' (медное царство), с невидимым центром (царство смерти) посередине). Сама же пространственная ММ представляется *плоскостной проекцией* целостной мифологической модели мира, в отличие от вертикальной и объемной проекции ее же, известной разным культурам под названиями *ось мира, древо мира, мировая гора* и даже *древо познания*.

Говоря об архетипическом в польском, украинском и русском фольклоре прежде всего следует заметить, что уже сама система славянских фольклоров, при внимательном ее рассмотрении, отражает ту же самую пространственную модель: каждая национальная традиция представляет себя ее центром, а соседей своих, соответственно пространственной ориентации, соотносит с те-

ми или иными частями света. А соответственно соотносит и с точками модели мира (с каждой из которых связываются определенные мифические признаки).

Такие мифологические представления о моделировании мира, *центром* которого ощущает себя сам субъект речи (а для каждого из национальных фольклоров – носитель данной традиции), проявляются, в частности, в существовании в древности у славян определенных территориальных категорий. Регионально выделялись, например, такие земли, как “чёрная Русь” (1), “белая Русь” (2), “золотая Русь”, или “престольная”, киевская (3), “красная Русь” (4), а также некая запредельная “Чудь”, называемая даже “белая чудь” (5), как народ ‘несвой’ – далекий, *чужой* и *чуждый*, а потому непонятный и опасный.

Аналогичную мифокартографию, отражающую мифологическое моделирование частных фрагментов мира (т.е. небольших территориальных пространств на общей карте расселения данного культурно-языкового единства), мы обнаруживаем и среди мелких (провинциальных) топонимических названий народного происхождения. Ориентация этих топонимов частного значения на четыре стороны света будет проявляться в их названиях, соотнесенных с семантическими полями каждой из пяти точек пространственной модели мира, обязательно имеющей свой *центр*.

Другим основанием для разделения народов и мифологической самоидентификации было соотнесение своего рода-племени с определенным мифическим ‘первопредком’, каковым считался тот или иной ‘зверь-

тотем'. Ведя происхождение своего рода от данного зверя, древние европейцы и сами ощущали себя его потомками, лесными зверями, например: немцы - 'волками', поляки - 'лис(иц)ами', русские - 'медведями'.

Эти же пространственно ориентированные отношения моделируются и фольклорами славян на уровне семантического зоокода языка традиции. 'Кот' поляков (бурый) выдает свое отношение к 'левому' и к 'западу' (свойством которого традиционно является 'бурый' цвет). 'Кот' русских (серый + белый) проявляет отношение к 'правому' и 'востоку' ('белый' цвет). 'Кот' украинцев (серый + бурый) занимает в этой модели промежуточное положение и потому тяготеет к 'центру' модели. Такие же отношения наблюдаются в каждой фольклорной традиции и, если брать уже, в каждой национальной, из ее, эту традицию, составляющих.

'Серый' цвет как результат смешения 'белого' и 'черного', дающий 'нечистое' (стыдное, тайное, неявное), традиционно есть одно из проявлений северной точки ММ (еще не мертвый, не совсем мертвый) и восточной точки ММ (еще не белый, не чистый, не полностью инициированный, не совсем посвященный в родовое сакральное). Таковы 'зайка' и 'коток' русских детских потешек и игр (эротическая символика добрачных взаимоотношений юношей и девушек). Тем самым противопоставленность 'серый' (зайка, котик, уточка) / 'белый' (зайка, уточка; у западных европейцев также - белая кошечка) значимо в фольклоре как противопоставленность семантических комплексов - и метазнаков традиционного языка - основополагающих точек *востока* /

(//) *севера* в общей, пространственной модели мира, в архаическом восприятии. 'Крыса' же традиционно представляется 'чёрной' (связанной в модели мира с точками *центра* и *запада*).

Возьмем для сопоставления несколько смежных в славянской культуре текстов с общими для них мета-знаками "кот" и "мышь" текстов, относящихся к циклу ритуалов *инициации первого семилетия* (пестование дитяти) и являющиеся *колыбельными* песнями.

Польский текст: [1.]

Uciekaj myszko do dziury
 Bo ciebie złapie kot bury.
 A jak ciebie złapie kot bury
 To cię obedrze ze skóry.

'Мышка' предполагается в этом польском тексте 'серой', т.е. традиционно 'почти невидимой' легко растворяющейся в 'вечернем полумраке' и легко исчезающей в 'черной дыре (норы)'. Обратим внимание на то, что мифический 'кот' польской традиции, представляющий собой 'мышиную смерть' - поймаёт и 'шкур(к)у обдерёт', - по цвету оказывается 'бурый', что никак, заметим, не соответствует реальным представлениям о "коте".

В современной русской традиции же чаще всего нам встречаются "бурый медведь" и "черно-бурая лиса", но это не в фольклоре, а в живом языке. Зато 'волк' русской и украинской сказки может быть как 'серый' (съедающий коня юноши), так и 'бурый' (помогающий юноши в добывании чудесной невесты). Первый проявляет себя как неумяная 'деструктивная сила' (в польской традиции

соответствием ему будет 'железный волк', в восточно-славянской же мифологии близок к нему по значению и функциям 'огненный волк', а также полные аналоги идентичных сказочных текстов 'волк – медный лоб' и 'кот – медный лоб').

Впрочем, при этом традиционные свойства 'волка' (а также и 'кота') 'серый' и 'бурый' тем самым оказываются полярными функциями одного и того же мифического существа, страшного для всего живого, в том числе и человека, молниеносного и непредсказуемого в его действиях посланника самой 'смерти'. Недаром именно 'волк' является в народной сказке европейцев одним из тех чудесных животных-помощников, которые, ради спасения героя, отправляются *на тот свет* 'за живой и мёртвой водою'.

Теперь обратимся к нескольким текстам другой, смежной, традиции и посмотрим, каким предстает 'кот' в *колыбельных песнях* восточных соседей.

Два украинских текста:

[2.]

А-а-а-а, котки два,
Шарі-бурі обидва.
 Один пішов на миші,
 Другий [Юру] колише.
 Що ж ви, котки, зробили,
 Що ви [Юру] збудили.
 Ни-ни, ни-ни, ни-ни,
 Пішли діти по малини.
 А малини не зродили,
 Наші діти поблудили;

[3.]

А-а, а-а, котки два,
Шарі-бурі обидва.
 А ти, котку бурий,
 Позаганяй щури.
 А ти, котку лисий,
 Позаганяй миші.
 А ти, волохатий,
 Дитя колихати.

Итак, в украинской традиции 'коты' определяются как 'пёстрые' - и 'серые' и 'бурые' одновременно, однако не обязательно при этом "полосатые", т.е. 'цвет' в фольклоре является признаком мифологическим и наполнен мифическим смыслом, отличным от современного: признак 'серый' проявляет отношение 'котов' к 'полумраку' и 'порогу ночи', а признак 'бурий' - к магическому знанию, недоступному человеку. Важна также в текстах и такая соотнесенность: "котку бурий (оборотень, обладающий магической силой) - позаганяй щури" ('крыса' значима в традиции как 'смерть нечеловеческая'), а "котку лисий (облезлый, голый как камень, + сама смерть) - позаганяй миші" ('мышь (-ка)' значима в традиции как 'смерть человеческая'). Вторая часто встречается в волшебных сказках об инициации, в основном девичьей.

Интересно, что в русской пословице "Ночью все кошки серы" (одинаковы и неразличимы, поэтому не следует бояться 'черных кошек', дурной приметы, > их не видно, сливаются с "тьмой непроглядной"). В аналогичной польской пословице они 'черны' (т.е. 'страшны' человеку и 'опасны' всегда в 'ночи'): W nosy wszystkie

koty są czarne. Все они воспринимаются как 'невидимое' и потому особенно 'страшное', в своей непредсказуемости. Однако существует в языке и другой, более архаичный, вариант этой пословицы: W nosy wszystkie koty są białe. В этом варианте кошачья 'бурость' в ночи есть неразличимость *истинного* и *ложного*, т.е. *добра* и *зла*, в их традиционном двуединстве, внешнем сходстве, обманчивости (при неверном освещении, в ночной тьме).

Сравним украинское: чорний кіт пробіг, или кішка, обычно между супругами, братьями, приятелями (к раздору), а также польское: с одной стороны – drzeć z kimś koty, а с другой - [jak koty] pokłócili się или poprzytkali się (ze sobą), что, собственно, ближе известному выражению восточных славян “глаза повыдирать” (когтями, ногтями; друг другу) либо “повыцарапать”. У русских "дорогу перебежал(а)" тоже касается только 'чёрных' *кота* и *кошки* (не к добру и к неудаче в делах). В то же время выражение “между ними кошка пробежала (проскочила)” (что говорится о недавних друзьях или о супружеской паре) не предполагает уточнения 'цвета' пробежавшего животного.

Интересно заметить, что, одновременно с тем, архаичке русского языка известно, хотя и редкое, уточнение 'цвета'. Так, “серая кошка пробежала” используется исключительно в значении 'слегка поссорились'. А “черная кошка пробежала” - в значении 'сильно рассорились' (или 'разругались навсегда'). Характерно, что польское porędzić komuś kota оказывается, в то же время, приблизительным аналогом русского “подложить свинью” (кому-то).

Однако 'пёстрая' или 'белая' по шерсти 'кошечка' в сказках славян, как и у других европейцев, обязательно "приносит счастье". Особенно встретить ее посчастливится бедной девушке на выданье. В восточнославянской традиции любое животное "в три масти" считается *счастливым*, оно всегда *приходится ко двору* (в том числе 'конь', 'корова', 'пёс'). А когда в хозяйстве появляется *трехцветная кошка*, то это называется даже "взять счастье в дом". Таковую каждый старается к себе приманить и никто никогда не прогонит, чтобы не навлечь на себя какую-нибудь беду.

Еще раз напомним, что для проблематики данной статьи важно, о следующем: в восточнославянской сказке чудесный 'волк' - помощник героя (опять-таки в поисках невесты) определяется как 'серый' и появляется всегда 'на границе мира живых людей и мира мертвых, или нечеловеческого'. В более архаичных текстах он определяется как 'бурый волк' и в них он часто проявляет себя как 'оборотень' - например, обманно "оборачивается невестой". Тем самым и 'волк' (в сказке), как 'кот' (в колыбельной), оказывается 'серым + бурым'. И это, очевидно, есть признак "изменяемого образа" (оборотничества и двуликости).

Нельзя нам забывать и о том, что в текстах восточнославянской сказки персонифицированные мифические образы 'Волк-Медный Лоб' и 'Кот-Медный Лоб' выполняют одни и те же функции ('ко(а)щеевы' функции и функции 'змея летучего', связанного с 'огнем', что сопоставимо с мифическим 'Волком-Огненным Змеем' и связанными с ним суевериями). С другой стороны, в языках

индоевропейской группы 'волк' и 'медведь' (отсюда и их 'бурость', а также другое общее свойство 'лютость') восходят к общему пракорню, представляя некогда - видимо, опять-таки в архаическом мифологическом контексте - некое единое 'страшное' существо, признаваемое рядом народов за зверя-'первопредка', основателя человеческого рода-племени. Вспомним хотя бы 'медведицу' костромичан или 'волчицу' римлян. В мифе аналогом-архетипом этих случаев будет двуединство животного 'тотема-андрогина', в поздних текстах неявное и потому почти утраченное, забытое.

При моделировании мира славянской традиции свойственно такое 'цветовое' (или 'цветосимволическое') определение пространственных точек модели мира:

1) *центру* ММ свойственна 'пестрота', т.е. неустойчивость и переменчивость 'цвета' (символа) – обычно проявляющегося в традиционных текстах как 'чёрное + белое';

2) *северу* свойственно 'белое' (как 'матовое + белое', непроницаемое и потому невидимое);

3) *востоку* свойственно 'алое' (как 'красное + белое', прозрачное или полупрозрачное, типа цвета *алой зари*);

4) *югу* свойственно 'красное' (как 'яркое + красное', огненное и жаркое, типа *красного солнышка*);

5) *западу* свойственно 'бурое', или 'крово-красное', 'рудое' (как 'красное + чёрное', типа *багрового заката*). При этом именно 'медное' воспринимается в традиции восточных славян как 'бурое' и 'рудое'.

Приведем для иллюстрации два примера. Так, в сказках русских и украинцев девушке, идущей *дремучим ле-*

сом, встречаются один за другим 'три всадника': 'белый' (= утро), 'красный' (= день), 'чёрный' (= ночь). В сказке же словаков женщины, блуждающие *во мраке* (что семантически близко *тёмному лесу*), встречают (по очереди) также 'трёх всадников', но уже, правда, без указания 'цвета' каждого из них (в контексте традиционной цветовой символики).

Интересны для анализа в этом контексте также такие известные украинские фразеологизмы: [бути] як (мов, ніби) руда миш(а) [зимою]; а(ні) рудої миші (= ні душі; ні лялечки). Именно 'бурость' делают в близких языках возможной такую замену, как-то: русск. "кошки скребут" (на душе, за душу), укр. *коти шкребууть на серці и на серці [наче] миші шкребууть (шкрябають / зашкребли)*.

В то же время нельзя рассматривать как возможную и равнозначную замену, с одной стороны, знакомое полякам и восточным славянам выражение 'покупать kota в мешке' или – как сущность данного мифосемантического комплекса - 'кот в мешке' и, с другой стороны, чешское 'покупать кошку в мешке'. И первое (кот в мешке) и второе (кошка в мешке) связано в славянской традиции со свадебной обрядностью.

Однако первое ('кот') предполагает 'покупку' (втёмную, не глядя) желательных (и мифических, с точки зрения участников обряда) *мужских достоинств* и *способностей* жениха, причем в первую очередь – сексуальных и продуктивных. Именно эти 'достоинства' и заставляют ощупывать, по свадебному ритуалу, невесту. И называется это "щупать kota в мешке", в результате чего

говорится: “Шила в мешке не утаишь”. В чешской традиции 'покупку' (втёмную) осуществляет также жених, а 'кошка' (которую также следует предварительно “ощупать в мешке”) есть символ искомых *женских достоинств* и *способностей* невесты, того же сексуально-эротического характера. Тем самым чешская свадьба сохраняет больше архаических деталей обряда, чем, к примеру, польская.

Обратимся теперь к малым текстам фольклора последней традиции, которые значительно отличаются от двух предыдущих хотя бы тем, что здесь ни 'кот', ни 'мышь' не имеют определения 'бурый', а только – и прежде всего – определяются как животные 'серые'. Однако 'коту' (о котором поётся: “котик-коток, серенький лобок”) при этом в детской *колыбельной*, как увидим, присуще такое мифическое свойство, как 'пестрота', на чем и основываются народные о нем представления.

Русские тексты:

[4.]

Котик серенький
Соломку собирал,
Под головку складал,
Да и [Ваню] качал;

[5.]

Котик серый, хвостик белый,
Приди, котик, ночевать,
Мою [Ирочку] качать,
А уж я тебе, коту,
За работу заплачу:
[Дам] Кувшин молока

Да кусок пирога;

[6.]

... У кота ли, у кота,
 Кота серенького,
 Кота серенького,
 Лапки маленькие,
 Лапки маленькие, [либо – беленькие?]
 Глазки серенькие,
 У моего ли у дитяти
 Личико беленькое,
 Глазки серенькие,
 Ручки беленькие.

Здесь 'пестрота' определяется как 'серое' и 'белое' (признаком 'белого' в тексте является и 'молоко'). В последнем тексте тем самым 'дитя' приравнивается к 'котенку': 'беленькое' - традиционно значимое как 'мертвое' и 'невидимое' (более того - как 'матовое' и 'непрозрачное', не проникаемое взором человека), а также как 'серенькое' - т.е. относящееся к 'сумраку', 'вечеру', 'порогу ночной тьмы' и, одновременно, к мифологическому 'времени переходного состояния' > 'дрёмы' и к магическому знанию о 'невидимом' (неведомом) > 'нечеловеческом' и 'потустороннем' (опасных и страшных пространственных мирах обряда, мифа и сказки). В восточнославянских *колыбельных* 'котик-коток, серенький лобок' выполняет функции 'баюна', 'угомона', т.е. 'сна' и 'несущего сон', а также персонификации 'дрёмы' (совершенный аналог которым мы, к удивлению своему, находим в англо-шотландской традиции).

Обратим также внимание на 'лоб' (лобок) 'котика': он 'серенький', и потому он оказывается в мифологической гамме 'цветов', присущих мифическим 'котам'. А потому оказывается недостающим звеном и парой к определению 'медный' (лоб), поскольку традиционно 'медный' (из меди) = 'бурый'. Признак 'серый', характеризующий в русской традиции прежде всего 'волка', заставляет припомнить также и такую пословицу: “Не всё, что серо, то волк”, с логически дополняющим ее продолжением в другой пословице: “Не всё [то] золото, что блестит”. А такая редкая пословица как “Не суйся в волки с собачьим (пёсым) хвостом”, со значением 'по хвосту волка видать' (именно 'хвост' отличает его от 'пса'), соотносима, на наш взгляд, с семантическим полем польского фразеологизма *odwracaż kota ogonem*, в значении 'передёргивать', 'выдавать видимость за действительное'. В русском языке за 'волка' стараются выдать 'пса'. Возможно, что в польском языке напротив - 'кота' пытаются при фальсификации выдать нам за 'собаку'.

И в этом проявляется как бы некая языковая “зеркальность” традиционных понятий и семантики устойчивых выражений, свойственных близким, граничащим друг с другом фольклорным традициям. Однако вряд ли такую закономерность следует определять как национальную специфику того и другого фольклора (в нашем случае русского и польского), поскольку перед нами лишь очередное проявление симметричного моделирования мира, с условной асимметрией мифологических представлений о 'левом' (= польское, 'западное') и 'правом' (= русское, 'восточное').

Определение 'бурый' и комплекс связанных с ним мифических признаков чудесного животного в народной сказке славян соотносит при этом 'кота' и 'волка' с 'медным царством', расположенном на пути героя в 'царство смерти'. Видимо, именно это определение соотносит обоих в сказке и с 'царством сна', более того – с 'царством', очевидно, 'мёртвого сна'. К последнему, очевидно, в фольклоре вообще относятся все признаки 'зеркальности' (поскольку зеркала некогда делались из меди), поэтому так легко 'бурый волк' оборачивается 'двойником невесты' (как бы ее 'зеркальным отражением').

Сравним близкий мотив: "смотреться в воды реки, озера", часто с последующим в них "падением" > "замыканием в них" (женского - девического либо материнского). Это тоже функционально близко в сказке к "унесению Ко(а)щею, либо Змеем", "Котом, либо Волком, Медным Лбом" красавиц, причем все эти "летучие" персонажи обладают свойствами 'иссушения' и 'выпаления' некогда плодородной земли, 'замыкания' воды - источников и колодцев - 'камнем' и т.п.. 'Замыкание воды' традиционно соотносимо в фольклоре с 'отсутствием слёз' и 'отсутствием способности плакать' (неумение плакать - "пускать слезу", как противоположное неумению смеяться, "быть Несмеяной"). Отсюда известное и полякам и всем восточным славянам выражение "[как] кот наплакал" (очень мало, совсем чуть-чуть).

Одновременно 'отсутствию кошачьих слёз' в славянской традиции противопоставлено 'обилие мышинных слёз(ок)': русск. "Кошке игрушки, мышке слёзки" (ср.:

“Отольются кошке мышкыны слёзки”), белор. “Кошцы жартачкі (смешачкі), а мышы смерць”, укр. “Котові на слёзи нема”, а также аналоги “Метушитися (товктися), як (наче, мов) миша в пастці” или “папастися, як (наче, мов) миша (миш) в пастку”, “[бути] наче в пастку бідна миш”. Украинский вариант подразумевает 'попасть(ся) кошке в зубы', 'в пасть' или же 'на зуб(ок)', однако в русской традиции аналогом, почти полным, оказывается фразеологизм “попасть(ся) волку в пасть”.

Фольклорную соотнесенность 'кота' и 'волка' подтверждают и такие устойчивые выражения, как “Пойми волка слёзы”, “Верь волчьим слезам”. По мифологическим представлениям славян 'волку' чуждо раскаяние (и покаянные слёзы).

Сравним в других традициях пословицы про *мышкыны слёзки* и(ли) про так называемую *игру в кошки-мышки*: лит. *Katei – zertas, pelei – smertis*, то же, что в белорусской традиции: “Кошке забава, а мышке смерць”, латыш. *Kakim spele (prieks), pelei nave (asaras)*, эст. *Kassil mäng, hiirel hingeminek*, чешск. *Kořce hřička, a myřce slzička*, нем. *Der Katzen Freude, der Mäuse Sorge*.

Изложенные здесь теоретические положения подтверждаются широким кругом славянских текстов (тексты малых жанров фольклора, а также игры, песни, сказки и массивом пословиц, поговорок, примет, загадок). За неимением места нет возможности привести также весь круг текстов-*колыбельных*, описывающих анализируемое нами семантическое поле 'кот' - 'мышь'.

В контексте европейской культуры, весьма своеобразной и по составу своему довольно разнородной,

именно славянская ее часть составляет - в силу исторической обособленности от западных национальных культур и быстро развивавшихся экономически и политически странах - представляет некий, достаточно сохранившийся, монолит языческой общеславянской традиции. И свидетельством такой монолитной традиции (и своеобразия восточноевропейской культуры) являются сохранившиеся фольклорные тексты, в широком понимании этого термина - от текста-*пословицы* до текста-*обряда*.

Наименее изученным и собранным, а также - как это, на первый взгляд, ни парадоксально - наиболее сохранившимся в древней своей архаике при этом оказывается так называемый "детский" фольклор, т.е. описываемые в данной статье *малые формы* фольклорных текстов. Последние в системе обрядов славянина (а именно: в контексте *народного календаря* и *круглого года* - природного и аграрного, ритуалов и быта) представляют большей частью своей реликтовые фрагменты других, некогда полных по объему текстов.

В частности, обычно при рассмотрении малых фольклорных текстов мы имеем дело с фрагментами ритуальных игр (детей, молодежи, к фрагментам которых, в частности, относятся и тексты-*хороводные*). А также сталкиваемся с фрагментами двух, первых по времени и значимости в той же общей системе обрядов, циклов *инициации*: цикла первого семилетия (*пестование дитяти*) и цикла второго семилетия (ритуальные *игры подростков*).

Именно фрагментарность сохранившихся в немногих записях *малых форм* текстов данного типа и отсутствие полной реконструкции фольклорной системы "детской" обрядности, т.е. ритуальной системы *инициации детей и подростков* (в детских коллективах), делает эти тексты особенно сложными для описания и анализа. И делает их не менее сложными для соотнесения каждого из них с конкретными параметрами мифического времени и пространства круглого года славян. В то же время знание и понимание культурно-исторических национальных корней необходимо нам для понимания народной сущности, истоков ее и моделей архетипических.

1995, 2001.

СЛОВАРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

О мифологическом контексте:

**кот, кошка, лев, рысь, мышь и крыса в
русских поговорах**

(поговорицы, верования, фразеология)

Ка(о)щей

Кашеева смерть (*сказочное*).

Кашеить во всем (или: кашейничать; т.е. скряжничать, жидоморничать).

Кашей Бессмертный (от *касть*; сказочное лицо, вроде вечного жида, с прилаг. бессмертный, вероятно от слова *кастить*, но переделано в **кощей**, от *кости*, означая изможденного непомерно худобою человека, особенно старика, скрягу, скупца и ростовщика, корпящего над своею казною; а также стар. смерд, подлый раб).

Кашей сам с ногуль, борода с локоть, пуга (*бич*) в семь сажен.

Кашейка старая (скупая, весьма худая старушонка).

Кашейный вид (у кого, слишком худого, слабого, большого).

Кашейский замысел, план (*подлый, изощренный*).

Кот

«Кот Евстафий, ты постригся?» — «Постригся.» — «И посхимился?» — «И посхимился.» — «Пройти мимо тебя можно?» — «Можно.» — Мышка побежала, а кот её цап. — «Оскоромисься, кот Евстафий!» — «Кому скромно, а нам на здоровье.»

Без кота мышам масленица.

Битому коту лишь лозу покажи.

Взяло кота поперёк живота.

Взяло кота поперёк живота.

Видит кот молоко, да рыло коротко.

Всякая шутка надвое растворена: коту потешно, ин мышке за беду.

Вылезай, кот, из печурки: надо онучи сушить.

Выходила турица из-под каменной горицы, спрашивала:

— «Кукарей, кукарей, где твой косарей?» — «Мой косарей пошёл в пещеру пещеровать, ваших детей воевать.»

— «Ох, горе горевать, куда малых детей девать? Лучше в сыру землю закопать!» (*Крыса, петух и кот*).

Вышла турица из горы, из пещеры, спросила: — «Дома ль царь Уритий?» — «Дома.» — «О, горе горевать, куда мне малых детей девать?» — «Знать, в землю закопать!» (*Мышь и кот*).

Два кота в одном мешке не улежатся.

Доведётся ж и коту с печи соскочить.

Дьяк у места, что кот у теста; а дьяк на площади (*т.е. у казни*) — так, Господи, прости (*или: помози*).

Есть в кринке молоко, да у кота рыло коротко.

Есть и сало, да не про кота.

Ешь, кот, не кроши (не ворчи), больше не проси!

Загордился кот, и с печи нейдёт.

Звал кот кошурку в печурку: и тепло, да голодно.

И псу конурка, и коту печурка.

Играет, как кот с мышкой.

Кому скоромно, а нам на здоровье (*отвечает кот мышам*).

Кому скоромно, а нам на здоровье (*сказал кот Евстафий, постригшись и посихмившись, да поймав мышку*).

Кот посихмился, лиса постриглась.

Кот скребёт — на свой на хребёт.

Кота убить — семь лет ни в чём удачи не видать.

Кошка в лукошке ширинки шьёт, кот на печи сухари толчёт.

Ласкай и кота, коли не родила дитя (*с лубочн. карт.*).

Лежит — ниже кота; встанет — выше коня (*дуга*).

Любит, как кот сало.

Мыши кота погребают.

Напусклив, что волк, пакостлив, что кот (*или*: Блудлив, что кошка, а труслив, как заяц).

Не всё коту маслена, будет и Великий пост.

Не всё коту Масленица, будет и Великий пост.

Не всё коту Масленица, будет и Великий пост.

Не всё коту Масленица, попу Фомин понедельник.

Не кота обувать, да за вами посылать (*коли все ушли*).

Не поворчавши, не съест (*кот*).

Не тряхнув ушами, кот куска не съест.

Не ходи канда (*кот*) в пенду (*печь*), в пенде канда (*каша*) прохонда (*для гостя, новгор. уст. весьма обычная шутка*).

Он не кот, молока не пьёт, а от винца не прочь.

От хозяйского глаза жиреет и кот.

Отчего кот гладок? — Поел да и на бок.

Пакостлив, как кот, а роблив, что заяц.

Пакостлив, как кот.

Подбери волк хвост: кот крадётся (*от сказки: медведь с волком пошли смотреть закинутого в лес кота; кот*

кинулся на кончик хвоста волка, залёгшего под хворост; волк с треском вскочил, кот кинулся на дерево, с которого мишка, испугавшись, упал и убился).

Подбери волк хвост: кот крадётся (от сказки: медведь с волком пошли смотреть закинутого в лес кота; кот кинулся на кончик хвоста волка, залёгшего под хворост; волк с треском вскочил, кот кинулся на дерево, с которого мишка, испугавшись, упал и убился).

Позвал поп кота среди поста: поди, кот, возьми пирога в рот: а кот привёл с собой и кошку, да и сел с нею в печурку.

Позвал поп кота среди поста: поди, кот, возьми пирога в рот: а кот привёл с собой и кошку, да и сел с нею в печурку.

Поклонись и кошке в ножки. (Голова судил мужика на дому, этот сказал: — Мы не в волости, тут все равны. — Повели его в правление — взмолился. — Не будешь спорить? — Не буду. — Ну пойдём ко мне, где начали, там и кончим. Поклонись же коту в ноги: здесь все равны).

Посади коту хвост в лещедку, так пойдёт по чердакам.

Постригся кот, посхимился кот, а всё тот же кот.

Спорили мыши за лобное место, где будут кота казнить.

Стар кот, а масло любит.

Тут, тут потутурившись, сидит, ждёт гостя из Новагорода (кот и мышь).

Утопили мыши кота в помойной яме, да мёртвого.

Чёрного кота (кобеля) не вымоешь добела.

Что поп, что кот — не поворча, не съест.

Чует кот в кувшине молоко, да рыло коротко.

Это мыши кота погребают (*т. е. притворная печаль, так же говорится о картине дурной работы*).

Котенок

Девуца, девушка! А где ваша царица? — Наша царица ушла в городы, по ваши головы (*мышонок и котёнок*).
 Не называть, лаская, котят мышатами: мать загрызёт их.
 Не тронь котят, как себе хотят.
 Не умела родить ребёнка, корми серого котёнка (*с лубочн. карт.*).
 Носится, как кошка с котятами.
 У княгини княжа (княжата), у кошки котя (котята) — тоже дитя.

Котище

На печище котище, по полу гусыня, по лавочкам лебёдки, по окошечкам голубки, за столом ясный сокол (*сон девки*).

Котовий

Через море котовий хвост (*перевясло у ведра*).

Коток

Сболтнул бы коток, да язык короток (*т. е. нет воли*).

Коты (обувь)

В котях щеголяет (*говорится в Сибири о всякой вещи, редкой или дорогой: ныне молоко в котях щеголяет*).
 В понедельник — на могильник, во вторник — на корник, в среду — на переды, в четверг — по коты, в

пятницу — на мельницу, в субботу — на работу, в воскресенье — на веселье.

И наша дура коты обула.

Хоть жмут — да коты, просторны — да лапти.

Котя

Княгине княжа, кошке котя, а Катерине своё дитя (*милее*).

У княгини княжа (княжата), у кошки котя (котята) — тоже дитя.

У княгини ребя, у кошки котя — таково же дитя.

У кошки котя — тоже дитя.

Кошачий

Его и всего-то на кошачий обед.

Как кошачий мясоед тянется.

Кошачьи глаза дыму не боятся.

Сторожковая да колотковая, а греет не хуже собольей (*т.е. шуба собачья, кошачья*).

Кошечка

Не петь было рано пташечке, не съела б кошечка.

У кошечки когти в рукавичках (в перчатках).

Кошка

Алтынная кошка полтинную часть тянет.

Баба да кошка в избе, мужик да собака на дворе.

Барин — татарин, кошку обжарил (*насмешка над господами, которые едят всё, напр. зайца*).

Бежит кошка по небу – догоню, да пойму!

Бежит кошка по небу, догоню да пойму (скороговорка).

Без жены, что без кошки, а без мужа, что без собаки

(*т.е. некому оберегать*).

Белая кошка глухой рождается (*суеверие*).

Белая кошка лезет в окошко (*свет*).

Блудлив, как кошка.

Богат Мирошка, а животов — собака да кошка.

Борода в честь, а усы и у кошки есть.

Брат Кондрат, пойдём кошек драть: мне шкура, тебе мя-со.

Выменяв кошку и убивая ее тут же о колесо, кошкарь приговаривает: не я бью, хозяйка бьет!

Вышла царица из-под каменной горицы, тихо речет: —

«Где наш косарин?» — «В печных пещерах почивает, хочет идти воевати.» — «Куда ж нам детей девати?»

(*Мышь, петух, кошка.*)

Вышло чудо из печуры, спрашивает чудо у царя растопыря: «Где живёт Марья Хохловна?» (*Мышь таракану о кошке.*)

Гладка шёрстка, да и ноготок остёр (*кошка*).

Гордому кошка на грудь не вскочит.

Грозит мышь кошке, да издалече (*или: да из подполья, из норы*).

Давно кошка умылась – а гостей нет.

Давно кошка умылась, а гостей нет.

Дай Бог (и) кошке свое лукошко.

Дай Бог и кошке своё лукошко!

Даниловцы — любимые ловцы, невыдавцы. Кошкодавы: кошку не купили, а на базаре задавили. Всесвятская каша, по три деньги аршин.

Дать чего с кошачьи слезы (*вят. мало, ничтожное количество*).

Две ковырка, две подковырки, один вертун, два воина, третья маковка? (*кошка*).

Две ковырки, две подковырки, один вертун, два войка, третья маковка (*кошка*).

Две кошки в мешке дружбы не заведут.

Добрый привет и кошке люб.

Дьяк у места — что кошка у теста, а как дьяк на площади — то Господи прости (*стар.*).

Дьяк у места, что кошка у теста.

Если кошка съест вареного гороху, то оглохнет.

Живёт Ермошка: есть собака да кошка.

Живёт Игошка: есть собака да кошка.

Живет Ильюшка: есть собака да кошка.

Живут, как собака с кошкой.

Живуч, как кошка.

Живуч, что кошка (кошка имеет семь жизней и девять смертей).

Жить сто годов, нажить сто коров, меринов стаю, овец хлев, свиней подмостье, кошек шесток, собак подстолье.

Захотел от кошки лепёшки, от собаки блина.

Захотел от кошки лепешки, от собаки блинов!

Захотел от кошки лепёшки.

Захотели от кошки лепёшки, а от собаки блинов (она раствором вылакает).

Звал кот кошку в печурку.

Знает кошка, чьё мясо съела.

Знает кошка, чьё сало съела (*позднее*).

Знай кошка свое лукошко.

Знай кошурка свою печурку.
Знай, кошка, своё лукошко!
И воробей на кошку чирикает.
И то бывает, что кошка собаку съедает.
Как бы кошка пташки не съела!
Как кошка с собакой (*дружны*).
Как кошка с собакой дружны.
Как кошка с собакой.
Как кошка, упасть (на все) четыре лапы.
Княгине княжа, кошке котя, а Катерине своё дитя (*милее*).
Коли кошку обдерут — тебе шкурку дадут.
Коровушка с кошку, надоила с ложку.
Кошачий глаз (*ценный камешек из рода опалов*).
Кошачьи глаза дым не выест.
Кошачьи глаза дыму не боятся.
Кошка в лукошке ширинки шьёт, кот на печи сухари толчёт.
Кошка в печурку — стужа на двор.
Кошка влезит и в окошко.
Кошка да баба в избе, мужак да собака на дворе.
Кошка да баба в избе, мужик да пёс на дворе.
Кошка да баба завсегда в избе, а мужик да собака завсегда на дворе.
Кошка к морозу в печурку лезет.
Кошка к морозу в печурку садится.
Кошка клубком — на мороз.
Кошка клубком, на мороз.
Кошка костыль ставит — к вёдру.
Кошка костыль ставит (*лапою*) — гости будут.

Кошка костыль ставит, к ведру.
 Кошка крепко спит — к теплу.
 Кошка крепко спит, к теплу, кошка в печурку - стужа на двор.
 Кошка лазит и в окошко.
 Кошка лапкою, медведь пятернёю.
 Кошка лежит брюхом вверх — к теплу.
 Кошка лежит брюхом вверх, к теплу.
 Кошка лижет хвост, прячет голову — к ненастью.
 Кошка лижется по телу — к ненастью.
 Кошка лижется по шерсти – к ненастью.
 Кошка ложится на загну́тку — к морозу.
 Кошка ложится на загну́тку, к морозу.
 Кошка любит молоко, да рыло коротко.
 Кошка моется — гостей зазывает.
 Кошка моется – гостей замывает, зазывает.
 Кошка моется — гостей замывает.
 Кошка моется, лижет лапу - к ведру, кошка лижет хвост, прячет голову - к ненастью.
 Кошка моется, лижет лапу — к вёдру.
 Кошка морду хоронит — к морозу либо к ненастью.
 Кошка морду хоронит, к морозу (или: к ненастью).
 Кошка на человека тянется — к обнове (подаркам).
 Кошка на человека тянется, к обнове.
 Кошка пролитого молока ждёт.
 Кошка пустомойка гостей замывала, никого не замыла.
 Кошка пустомойка: гостей замывала, да не замыла.
 Кошка пустомойка: гостей не замыла.
 Кошка пустомойка: долго мылась, гостей не замыла.
 Кошка скребёт на свой на хребёт.

Кошка скребёт пол — на ветер, на метель.
Кошка скребет пол, на ветер да метель.
Кошка сластёна.
Кошка спину дерет - к непогоде.
Кошка спит, а мышей видит.
Кошка стену дерёт — к непогоде.
Кошкам по ложкам, собакам по крошкам, нам по лепёшкам.
Кошке игрушки, а мышке слёзки.
Кошке игрушки, мышке слёзки.
Кошки грызутся - мышам приволье.
Кошки грызутся — мышам раздолье.
Кошкино котя - то же дитя.
Кошкины игрушки – мышины слёзки.
Кошкой в глаза мечется.
Кошку бьют, а невестке наветки дают (а невестка гляди да казись).
Кошку бьют, а невестке наветки дают.
Кошку девятая смерть донимает (*она живуча*).
Кошку девятая смерть донимает, она живуча.
Кошку, что больше гладишь, то больше хвост дерёт.
Кто кошек любит, будет жену любить.
Кто кошек любит, и жену будет любить.
Кто спит с кошкой, у того лягушки в голове заведутся (*суеверие*).
Кто спит с кошкой, у того лягушки в голове заводятся.
Лады, как у кошки с собакой.
Лады, что у кошки с собакой.
Лаком до сметанки что кошка.
Лакома как кошка.

Лакома кошка до рыбки, да в воду лезть не хочется.

Лакома кошка до рыбки.

Лакома кошка.

Лисой ухаживает, кошкой увивается.

Ложка не кошка, рта не оцарапнет.

Лошадь от кошки сохнет, от собаки добреет (*почему и не берут с собою кошки в дорогу*).

Любит и кошка мышку.

Любит кошка молоко, да рыло коротко.

Макар да кошка — комар да мошка.

Мария, Марфа, Пелагея — сёстры Лазаря, подите к брату своему, Лазарю, спросите у него: не болят ли у него зубы, не ломают ли кости? — Нет, сёстры, не болят, не ломают; а болят зубы у кошки, у зайца, у крота, у быка, у овцы и барана; а чтоб у раба Н. не болели отныне и до веку (*заговор от зубной боли*).

Мечется, как бешеная кошка.

Мечется, как вор на ярмарке; как угорелый, как угорелая кошка.

Мечется, как угорелая кошка.

Мечется, что угорелая кошка.

Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка всегда в избе.

Мышке с кошкой внаклад играть.

На Ильин день собак и кошек не пускают в избы.

На мышку и кошка зверь.

На чих кошки здравствуй, зубы болеть не станут.

Напала на кошку спесь...

Напала на кошку спесь: не хочет с печи слезть.

Напусклив, что волк, пакостлив, что кот (*или*: Блудлив, что кошка, а труслив, как заяц).
Наши лепешки достались кошке.
Наши лепёшки поели кошки.
Не играй, кошка, углём!
Не играй, кошка, углем, лапу обожжешь!
Не мяскай (*т. е. не проси мяса*), кошка услышит.
Не по курице хода, не по кошке спесь.
Не поворчав, и кошка куска не съест (*или*: даже).
Не поворчав, кошка куска не съест.
Не спрашивай у кошки лепёшки, у собаки блина.
Не съест собака не потаскавши, а кошка не поворчавши.
Не успела кошка умыться, а гости в дверях (*или*: на порог / у порога).
Не успела кошка умыться, а гости во двор (*или*: во дворе / на дворе).
Не успела кошка умыться, а гости наехали.
Носится, как кошка с котенком.
Носится, как кошка с котятами.
Ну пойдём ко мне, где начали, там и кончим: поклонись же коту в ноги; здесь все равны!
Он, как кошка, все на ноги падает.
Отольются кошке мышкены слёзки.
Первачики, другачики, на колоде лодачики; перводан, другодан, на колоде угадал, пятьсот судья, пономарь ладья, Акулина кошка, голубина ножка, прела, горела, по морю летала, за морем пала, церковь стала, кум да кума, полкубышки вина, он да соломка, луковка дикая — вон (*конаются*).
Под полом, полом ходит барыня с колом (*кошка*).

По-за очи кошку купить — делево (*трудно. Арханг.*).

Позавидовала кошка собачью житью!

Поклонишься и кошке в ножки!

Поклонишься и кошке в ножки. (*Голова судил мужика на дому, этот сказал: — Мы не в волости, тут все равны. — Повели его в правление — взмолился. — Не будешь спорить? — Не буду. — Ну пойдём ко мне, где начали, там и кончим. Поклонись же коту в ноги: здесь все равны.*)

Полно кошке таскать из плошки!

Полно кошке таскать из чашки.

При переходе в новый дом наперёд пускают ночевать кошку и петуха (*строительная магия*).

Птицы ошипываются, кошки лизут лапу — к вёдру.

Рано пташка запела, как бы кошка не съела.

Сам на кобыле, жена на корове, ребята на телятах, слуги на собаках, кошки на лукошках.

Сам с воробья, а сердце с кошку.

Свекровь кошку бьёт, а невестке наветки даёт.

Сидит баба на току и грозится на сноху: «Я тя, сука, догоню, на клочки тя разорву» (*кошка и мышь*).

Сидят три кошки, против каждой кошки две кошки, много ль всех? (*Три*).

Сказывали, богат Тимошка, а у него собака да кошка.

Сказывали, не богат Тимошка, а у него собака да кошка.

Собака (*или*: Кошка) на человека потянулась — к корысти.

Собака крох подстольных, а кошка пролитого молока ждёт.

Собака обжора, а кошка сластёна.

Собаку можно целовать в морду, а не в шерсть, кошку — наоборот.

Сорока под порогом, и кошка умылась, а в доме ни му-чицы, ни крупичицы.

Страшнее кошки зверя нет.

Труслив, что заяц, блудлив, что кошка.

Трусливее зайца, прокудливей кошки.

Тыкать, как кошку, носом (или: рылом).

У княгини княжа (княжата), у кошки котя (котята) — тоже дитя.

У княгини ребя, у кошки котя — таково же дитя.

У кошки котя — тоже дитя.

У кошки шерсть погана, а рыло чисто; у собака рыло погано, а шерсть чиста.

У кошки шерсть погана, рыло чисто; у собаки рыло погано, шерсть чиста.

Чем больше кошку гладишь, тем больше она горб подымает.

Чёрная собака, чёрная кошка и чёрный петух в доме спасают от грозы и от вора (*и наоборот, они опасны во время грозы, нижегор.*).

Четыре четырки, две растопырки, один вертун, да два яхонта? (*кошка*).

Четыре четырки, две растопырки, один вертун, два яхонта (*кошка*).

Эти кошки облизали ложки (?).

Эти кошки облизали ножки.

Это кошки оближи ножки.

Я тебя, как кошку, уткну на это рылом.

Язык блудлив, что коза (или: что кошка).

Яков лаком, съел кошку с маком.

Яков съел кошку с маком (*дразнят*).

Кошачий

Дать чего с кошачьи слезы (*вят. мало, ничтожное количество*). Как кот заплакал.

Кошачий глаз (ценный камешек из рода опалов).

Кошачьи глаза дыму не боятся. Стыд не дым, глаза не выест.

Кошачьи глаза дым не выест.

Кошкин

Кошкин дом (*соврем.*).

Кошкино котя - то же дитя.

Кошкины игрушки – мышины слёзки.

Кошкодав

Даниловцы — любимые ловцы, невыдавцы. Кошкодавы: кошку не купили, а на базаре задавили. Всесвятская каша, по три деньги аршин.

Парфентьевцы — кошкодавы.

Кошурка

Была и кошурка, да ушла в печурку.

Звал кот кошурку в печурку.

Звал кот кошурку в печурку: и тепло, да голодно.

Знай кошурка свою печурку.

Знай, кошурка, свою печурку!

Позвал поп кота среди поста: поди, кот, возьми пирога в рот: а кот привёл с собой и кошку, да и сел с нею в печурку.

Кошей (см. также Кашей)

Свет Кошей, господин Кошей: сто людей кормил, гулять ходил, головку сломил; кости выкинули, псы не понюхали (*горшок*).

Крадется

Как под волка крадётся.

Подбери волк хвост: кот крадётся (*от сказки: медведь с волком пошли смотреть закинутого в лес кота; кот кинулся на кончик хвоста волка, залёгшего под хворост; волк с треском вскочил, кот кинулся на дерево, с которого мишка, испугавшись, упал и убился*).

Крыса

Старая крыса ловушку обходит.

Магазейная крыса (*инвалидный солдат*).

Выходила турица из-под каменной горицы, спрашивала: — «Кукарей, кукарей, где твой косарей?» — «Мой косарей пошёл в пещеру пещеровать, ваших детей воевать.» — «Ох, горе горевать, куда малых детей девать? Лучше в сыру землю закопать!» (*Крыса, петух и кот*).

Кабы на скопидомку не крысы, так с нею б и ладов не было.

У водяной крысы зубы остры.

У морской крысы зубы остры.

Подопытная крыса.

Зубы как у крысы (*большие, торчащие*).
 Как крыса горло перегрызет (или: вцепится в глотку).
 Как крыса.
 Как крыса, везде пролезет.
 Как крыса-проныра.
 Как крысиная нора.
 Как крысья нора (*грязное темное жилище*).
 Как крысы с корабля (убегать, *при опасности*).
 Наглый как крыса.
 Настоящая крыса (*нехороший, неприятный человек*).
 Поналезли как крысы.
 Пролететь по-крысиному (*нагло*).
 Пронырливый как крыса.
 Разбегаться, как крысы.
 Расплодиться как крысы.

Крысиный

Крысиная морда (или: рыло).
 Крысиная нора (*ужасная нищета*).
 Крысиные глазки (*круглые, пристальные*).
 Крысиные зубы (*прочные*).
 Крысиные хвостики (у девчонки; *с бантиками; две тоненьких косички*).
 Крысиные ходы.
 Крысиные ходы (или: норы – знать; *т.е. тайные ходы-выходы, спасающие в случае опасности*).
 Крысиные ходы-выходы.
 Крысиный волк (*крыса-самец, которую держат в бочке с водой свыше двух недель, пока она не перебесится, после чего ее выпускают, и она съедает всех своих сорос*).

дичей, оставаясь при этом ручной в отношении человека; как эффективный способ борьбы с крысами на старых кораблях).

Крысиный нос (совать / сунуть).

Крысиный хвост (или: хвостик; *о жидкой косичке*).

Словно в крысиной норе (*темно*).

Словно в крысиной норе живут.

Лев

20 января. На Льва Катанского не глядеть на падающие звёзды.

Биться как лев.

Бороться как львы (или: драться).

Бросать львам на растерзание (или: собакам / псам).

Бросать львам на съедение (или: собакам / псам).

Бросаться как лев.

Бросить львам на растерзание (или: собакам / псам).

Бросить львам на съедение (или: собакам / псам).

Грива как у льва.

Грудью стоять как лев (в бою).

Держаться как львы (в бою).

Драться как лев.

Живой пёс лучше мёртвого льва.

Жить в обидах, что со львом во рвинах.

Защищаться как лев.

Как в клетке лев (метаться)

Как раненый лев.

Крылья Орловы, хоботы слоновы, груди конинные, ноги львиные, голос медный, носы железные; мы их бить, а они нашу кровь лить (*комары*).

Кто в этот день заболит, умрет (Льва Катанского, 20 января; примета).

Лев зверь всем зверям царь.

Лев зверь всем зверям царь. Всем птицам птица орел.

Лев мышей не давит.

Лев мышей не давит. Орел мух не ловит.

Лев мышей не ловит.

Лев спит, а одним глазом видит (или: глядит; *поверье*).

Метаться как раненый лев.

Могуч как лев.

Могучий лев.

На Льва Катанского не глядеть на падающие звезды (а то умрешь; примета).

На словах ты лев (, а на деле...; иронич.).

От ядущего ядомое изыде и от крепкого сладкое (*Сампсон, лев, пчёлы, мёд*).

Приготовился к прыжку как лев.

Смотрится львом, а сам тени боится.

Смотрится львом.

Стоять как львы.

Тягать льва за усы.

У Лёвки всё ловко.

Царь зверей (лев).

Львиный

Дать львиную долю.

Издать львиный рык.

Крылья орловы, хобота слоновы, груди кониные, ноги львиные, голос медный, носы железны; мы их бить, а они нашу кровь лить (*комары*).

Львиная грация.

Львиная доля (отхватить или оторвать львиную долю, получить львиную долю, требовать львиную долю или львиной доли).

Львиная доля.

Львиная поступь.

Львиное рычание (*громкий низкий голос*).

Львиный рёв (*разгневанный крик*).

Львиный рык (издать / раздался).

Отхватить львиную долю.

Получить львиную долю.

С львиной грацией (или: ловкостью).

Требовать львиную долю.

Львица

Грудью стоять как львица (за своих детенышей).

Как львица защищать (своих детей / детёнышей).

Молоко львицы (или: волчицы).

Приготовился к прыжку как львица.

Львенок

Как (настоящие) львята.

Настоящие львята.

Мышеловка

Попасть в мышеловку.

Попасться в мышеловку.

Мышеяд

Закромы пусты, а мышьяд в графе (или: на бумаге).

Мыший

Мышьи оглодки есть — зубам здорово.

Мышиный

Козьи кругляши не орехи; мышиный сор не перчик.

Мышиный жеребчик (*старый, сухой щёголь и волоки-та*).

Он мышиным жеребчиком глядит.

Мышка

«Кот Евстафий, ты постригся?» — «Постригся.» — «И посхимился?» — «И посхимился.» — «Пройти мимо тебя можно?» — «Можно.» — Мышка побежала, а кот её цап. — «Оскоромишься, кот Евстафий!» — «Кому скоромно, а нам на здоровье.»

Были бы крошки, а мышки будут (или: будут и мышки).

Были бы крошки, а мышки будут.

Взял голову под мышки — и прав.

Всякая шутка надвое растворена: коту потешно, ин мышке за беду.

Есть у него шишка лишку: во рту мышка.

И всяк, как мышка, лезет на вышку.

Играет, как кот с мышкой.

Как серая мышка.

Кому скоромно, а нам на здоровье (*сказал кот Евстафий, постригшись и посхимившись, да поймав мышку*).

Кошке игрушки, а мышке слёзки.

Кошке игрушки, мышке слёзки.

Любит и кошка мышку.

Молчать мышкой.

Мышка ходит по брусочку, роняет по кусочку (*горящая лучина*).

Мышка, мышка, на тебе зуб костяной, а ты мне дай железный (*говорится, когда у детей зубы падают*; или: На тебе репяной, а мне дай костяной).

Мышке с кошкой внаклад играть.

На мышку и кошка зверь.

Невеличка мышка, да зубок остёр.

Сам себя под мышку не подхватишь.

Серая мышка.

Сидеть мышкой.

Что Машка напряла, то мышка скрала.

Мышкин

Отольются кошке мышкины слёзки.

Мышковать

По ночам и лиса мышкует (*т. е. промышляет пищу*).

Мышонок

Девица, девица! А где ваша царица? — Наша царица ушла в города, по ваши головы (*мышонок и котёнок*).

Не называть, лаская, котят мышатами: мать загрызёт их.

Мышь

Без кота мышам масленица.

Богатый в деньгах, что мышь в крупах.

Был бы хлеб, а мыши будут.

В сухой год зайцев больше, в сырой — мышей.

Ввалился, как мышь в закром (или: в короб. *Иногда это значит избыток, иногда ловушку*).

Ввалился, как мышь в короб.

Влюбился, как мышь в короб ввалился.

Все на меня, как на мокрую мышь.

Все по норам, что мыши по щелям.

Вышло чудо из печуры, спрашивает чудо у царя растопыря: «Где живёт Марья Хохловна?» (*Мышь таракану о кошке.*)

Вышла турица из горы, из пещеры, спросила: — «Дома ль царь Уритий?» — «Дома.» — «О, горе горевать, куда мне малых детей девать?» — «Знать, в землю закопать!» (*Мышь и кот.*)

Вышла царица из-под каменной горицы, тихо речет: — «Где наш косарин?» — «В печных пещерах почивает, хочет идти воевати.» — «Куда ж нам детей девати?» (*Мышь, петух, кошка.*)

Гора мышь родила (*переводн.*).

Грозит мышь кошке, да издалече (или: да из подполья, из норы).

Два веника в коробке да мышь в подполье.

Дуется, как мышь на крупу.

Если мыши во льну гнездо совьют, то в зиму большие снега будут.

Если мыши нагрызут хлеб (*печёный*) сверху, дорог будет; снизу — дешёв, а сбоку — средняя цена.

Если мыши поедят неубранные остатки ужина, будут у хозяина болеть зубы.

Если мышь попадёт за пазуху, то быть большой беде.

Если мышь съест что-либо в церкви, то обратится в не-топыря.

Есть, что мышь нагрызла, зубы окрепнут.

Женитьба не молотьба: не мышь зарод подьедает.

Живём, пока мышь головы не отъела.

Зародом (*скирдой*) мыши не задавит.

И мышь в свою норку тащит корку.

И то зерно, что мышь снесла.

И то яйцо, что мышь снесла.

Коли леший зайцев нагонит, то мышей угонит (*годами*).

Коли полевая мышь вьёт гнездо высоко (*в хлебе на корню*), то цены на хлеб будут высокие; когда вплоть у земли — низкие (*перм.*).

Кому скромно, а нам на здоровье (*отвечает кот мышам*).

Кошка спит, а мышей видит.

Кошки грызутся — мышам приволье (*или: раздолье*).

Кругла, да не девка; с хвостом, да не мышь (*репа*).

Кругло, а не месяц; зелено, а не дубрава; с хвостиком, а не мышь (*репа*).

Лев мышей не давит.

Мыши зародом не задавишь.

Мыши изгрызут одежду (платье) — к смерти.

Мыши кота поGREбают.

Мыши развозились, мыши пищат — к голоду.

Мышь в коробе, как воевода в городе.

Мышь не весела, обьелась киселя.

Мышь одолевает — перед голодом; мыши из дому вы-бираются — перед пожаром.

Мышь одолевает перед голодным годом.

Мышь сыта, и мука горька.
 На Трифона заговаривают мышей.
 Надулся, как мышь на крупу.
 Не гоняется слон за мышью.
 Не твоим рылом мышей ловить.
 Около крох и мыши.
 Он не годится и мышей ловить.
 Он уже и мышей не ловит (*т.е. одряхлел*).
 Плоха мышь, что один только лаз (одну лазею) знает.
 По моде и мышь в комод.
 Пропал, как мышь на подтопе.
 Пусто не густо: ветер ходит, а мышь не скребёт.
 Раздулся, как мышь на крупу.
 Ранний цвет гречихи, вой волков стадами, много мыши,
 либо мышь совьёт гнездо во ржи — к голоду.
 Сама (мышь) залезла в кувшин, а кричит: «Пусти!»
 Свиньи и мыши сено едят — к худому покосу.
 Сидит баба на току и грозитя на сноху: «Я тя, сука, до-
 гоню, на клочки тя разорву» (*кошка и мышь*).
 Смерть, как мышь, голову отъест.
 Спереди печать, а сзади мыши точат (*анбар*).
 Спорили мыши за лобное место, где будут кота казнить.
 Тараканы (или: мыши) из дому ползут — перед пожа-
 ром.
 Только то и есть в сусеке, что мыши нагадили.
 Тут, тут потутурившись, сидит, ждёт гостя из Новагоро-
 да (*кот и мышь*).
 У него в анбаре и мыши перевелись.
 У полусемян мышей много ли ног да ушей?
 Утопили мыши кота в помойной яме, да мёртвого.

Худа та мышь, которая одну только лазею знает.
Шли сорок мышей, несли сорок грошей.
Шли сорок мышей, несли сорок грошей; а две мыши
поплоче несли по два гроша.
Шли сорок мышей, несли сорок грошей; две мыши по-
плоче несли по два гроша.
Это мыши кота погребают (*т. е. притворная печаль,
так же говорится о картине дурной работы*).

Рысь

Грунью (рысью) от смерти не уйдёшь.
На рысях плохо песни петь.
Не ждал я от него такой рыси (прыти).
Ни шагу, ни рыси; ни ходу, ни спотычки.
Рысь пестра сверху, а человек лукав изнутри.

Рысистый

Не рысиста, да без спотычки.

Рысак

И плавный рысак ину пору с ноги сбивается.
Рысаку цена тысяча рублей, а за сбой поруки нет.

Литература:

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу, т. 1-3, М., 1865-1869.
2. Байбурин А.К., Левинтон Г.А. К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе // Русский народный свадебный обряд, Л., 1978.
3. Богатырев П.Г. Магические действия, обряды и верования Закарпатья // Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства, М., 1971.
4. Богданович А.Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов, Гродна, 1895.
5. Боровский Я.Е. Мифологический мир древних киевлян, Киев, 1965.
6. Вежбицкая А. Язык, культура и познание / Пер. с англ., Вступ. статья Е.В.Падучевой, М., 1997.
7. Волоцкая З.М. Структура и семантика загадок предметного поля "похороны - смерть" // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд, М., 1985.
8. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы, в 2 тт., Тбилиси, 1984.
9. Гельгардт Р.Р. К вопросу о лингвистической основе фольклора и его культурно-историческом статусе // Вопросы лексикологии, стилистики и грамматики в аспекте общего языкознания, Калинин, 1977.
10. Григас К. Литовские пословицы. Сравнительное исследование / Пер. с лит. автора, Вильнюс, 1987.
11. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции, М., 1997.

12. Даль В.И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа, СПб., 1994.
13. Ермола В.И. К выделению семантических полей Ф.Е. // Z problemuw frazeologii polskiej i slowianskiej, t.VI. Warszawa, 1994.
14. Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия, М., 1880 / М., 1992.
15. Зеленин Д.К. Избранные труды / Сост. А.Л.Топоркова, т. 1-3, М., 1994-1996.
16. Иванков В.М. Изучение Афанасьевым фольклора как средства выражения народного мировоззрения // Вопросы филологии и методики исследования, Воронеж, 1975.
17. Иванов В.В. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем, М., 1978.
18. Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы, М., 1965.
19. Кайсаров А.С. Славянская и российская мифология, М., 1810.
20. Клиндер В.П. Животное в античном и современном суеверии, Киев, 1911.
21. Костомаров Н.И. Славянская мифология, Киев, 1847.
22. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление, М., 1930.
23. Левинтон Г.А. К проблеме изучения повествовательного фольклора // Типологические исследования по фольклору, М., 1975.
24. Маранда П., Кёнгэс-Маранда Э. Структурные модели в фольклоре // Зарубежные исследования по семиотике фольклора, М., 1985.
25. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа, М., 1995.

26. Надель-Червинская М.А. Фольклор славян - его семантика и структура // Надель-Червинская М.А., Червинский П.П. Энциклопедический мир Владимира Даля. Книга вторая: Дикие звери, в 2-х тт., Ростов н/Д, 1996: т. 2, с. 311-567.

Научное издание

Маргарита Надель-Червинская

РЫСЬ, КОТ, КОШКА,
МЫШЬ И КРЫСА
ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН:
СКАЗКА, ОБРЯД, МИФ
(с приложением
словаря паремиологии)

*Библиотека научного альманаха
«Studia Methodologica»
(StudiaMethodologica.com.ua)*

Підписано до друку 17.10.2010. Папір офсетний. Гарнітура Arial.
9,8 ум. др. арк. Тираж 300.

Видавець:

Видавництво «КРОК»
Свідоцтво ДК №3538 від 30.07.2009 року
а/с 554, м. Тернопіль-27, Україна, 46027
тел. +38 096 9431704
KrokBooks.com